
ровесник
5
1977
И5-28

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Май, 1977 год, № 5

На первой странице обложки: майский праздник, знамена и радостные дети в колоннах рабочего люда — такую сцену теперь можно увидеть в любой европейской стране. Еще какую-то четверть века назад такой снимок был бы редкостью.

Фото из журнала «Джорни», Италия.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ ДЛЯ?..
и
другие очерки, статьи и интервью о правах и личных свободах трудящихся Запада

КОПЕНГАГЕН. Прогрессивные молодежные организации Дании совместно с Коммунистической партией и Социалистической народной партией борются за выход страны из НАТО и немедленное сокращение военных расходов. Как заявил председатель Коммунистической партии Дании К. Еспересен, коммунисты — непримиримые противники гонки вооружений и поэтому требуют немедленного выхода Дании из милитаристского пакта. Только этот шаг обеспечит нормальное, самостоятельное развитие страны. 9 миллиардов крон, отпущенные на военные расходы, могли бы быть с пользой употреблены на решение насущных социальных проблем.

ПАРИЖ. Безработица во Франции достигла новой рекордной цифры — 1 миллиона 467 тысяч человек. По сообщениям прессы, это самый высокий уровень безработицы за все время продолжающегося экономического кризиса. Особую тревогу французов вызывает тот факт, что около половины ищущих работу составляет молодежь в возрасте до 25 лет, среди которой много выпускников университетов и технических школ, получивших диплом квалифицированных специалистов.

На снимке: Как противостоять безработице? — Это главный вопрос для молодых французов, которому посвящены все дискуссии и разговоры.

АЛЖИР. Здесь подписан протокол о сотрудничестве между Национальным союзом алжирской молодежи (НСАМ) и организацией Молодежь Народного движения за освобождение Анголы (ЖМПЛА). Он предусматривает обмен опытом и информацией между двумя молодежными организациями, сотрудничество в области культуры, спорта, молодежного туризма, пионерского движения. Ангольским студентам, которые учатся в Алжире, будут предоставлены стипендии. Во время встречи представители молодежных организаций АНДР и НРА обсудили вопросы двустороннего сотрудничества, укрепления панафриканского движения молодежи, подготовки ко II Всеафриканскому фестивалю молодежи и XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, выразили горячую поддержку освободительной борьбе народов Южной Африки.

БЕРЛИН. Крепнет дружба и сотрудничество между социалистическими странами и молодыми африканскими государствами. Многие высшие учебные заведения ГДР открыли свои двери для студентов африканских стран, недавно освободившихся от колониализма и развивающих у себя науку, культуру, спорт.

На снимке: эти девушки приехали учиться в ГДР из далекой Гвинеи-Бисау, чтобы стать врачами.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ОТТАВА. Безработица среди молодежи стала предметом специального обсуждения Центрального совета Лиги молодых коммунистов Канады. Половина всех безработных в стране — юноши и девушки в возрасте от 17 до 24 лет. По данным национального союза студентов Канады, в тяжелом положении оказываются и выпускники вузов. (В прошлом году около 400 тысяч молодых специалистов не могли найти работы.) Правда, федеральными властями разработана официальная «программа занятости для молодежи», которая, однако, предусматривает предоставление рабочих мест только 4 процентам молодых безработных, да и то всего на 14 недель.

ЛАГОС. Здесь, в столице Нигерии, состоялся Второй всемирный фестиваль афронегритянского искусства и культуры, на который собралось свыше 45 тысяч участников и гостей. Немалую часть их составляла творческая молодежь. Фестиваль показал успехи развития во многих молодых африканских государствах национальной кинематографии, профессионального театра, телевидения. В дни фестиваля был проведен коллоквиум «Негритянская цивилизация и образование». Создание в освободившихся от колониализма странах все новых школ и вузов говорит о том, какое огромное значение придается борьбе с неграмотностью, развитию образования, подготовке национальных кадров.

НИКОЗИЯ. «За международную антиимпериалистическую солидарность, за спасение Кипра» — под таким девизом будет проведен летом этого года VII Всекипрский фестиваль молодежи.

Инициатор проведения фестиваля — Единая демократическая организация молодежи Кипра (ЭДОН). В заявлении Центрального совета этой прогрессивной организации кипрской молодежи говорится, что фестиваль будет содействовать дальнейшей мобилизации молодых киприотов на защиту независимости и территориальной целостности своей родины, а также укреплению солидарности с борющимися народами других стран.

НЬЮ-ЙОРК. В ряде штатов США началась новая расистская кампания против индейцев, пытающихся отстоять свои законные права. Предлогом для нее послужил иск, поданный в суд в штате Мэн двумя индейскими племенами, требующими вернуть им земли предков. 600 тысяч индейцев обречены в резервациях на нищету и вымирание. 75 процентов трудоспособного населения не имеют работы, средняя продолжительность жизни — чуть больше 40 лет, детская смертность втрое выше, чем среди белых.

На снимке: полиция жестоко расправилась с участниками Движения американских индейцев, организовавших демонстрацию протеста против деятельности расистского «Общества Джона Бэрча».

ХАНОЙ. Национальный союз студентов Вьетнама, объединивший студенчество страны, активно участвует в самоотверженном труде всего вьетнамского народа, в строительстве нового социалистического общества. Представитель союза, выступая на очередном заседании исполнительного комитета Международного союза студентов, заявил: «Трудясь на благо родины на этом новом революционном этапе, мы твердо уверены в поддержке прогрессивного студенчества всего мира, и в первую очередь молодежи социалистических стран, уже не раз доказавших на деле свою солидарность. Мы хотим выразить огромную благодарность МСС за всестороннюю поддержку, и особенно за последнюю кампанию «Поезд солидарности с Вьетнамом». Она очень помогла нам в выполнении одного из наших важнейших дел — в восстановлении железнодорожной магистрали, которая пролегла через всю страну от Ханоя до города Хошимина».

БРАЗИЛИЯ. Как явствует из опубликованных здесь официальных данных, о которых сообщает «Жорнал ду Бразил», почти на 60 процентов возросла за последние четыре года преступность в Рио-де-Жанейро. Миллионы детей и подростков в сегодняшней Бразилии растут в нищете, пишет газета. Страшная нужда заставляет их бросать школу всего после двух-трех лет учебы, у них нет надежды получить профессию, найти работу. Преступность является следствием социальной несправедливости, безработицы, роста числа бездомных подростков, заключает газета.

ЛОНДОН. Как отмечает газета «Морнинг стар», положение работников образования в Великобритании становится все более безнадежным. В этом году 27 педагогических вузов страны обречены на закрытие. В знак протеста организуются массовые студенческие демонстрации. В течение целой недели не прекращалось «круглосуточное дежурство» у дверей дома министра по делам образования Ширли Уильямс.

На снимке: «Нонингтон во тьме, зажгите свет» — с такими плакатами вышли на улицы студенты уже закрытого Нонингтонского педагогического колледжа, приехавшие в Лондон, чтобы принять участие в студенческой демонстрации протеста против политики властей в области образования.

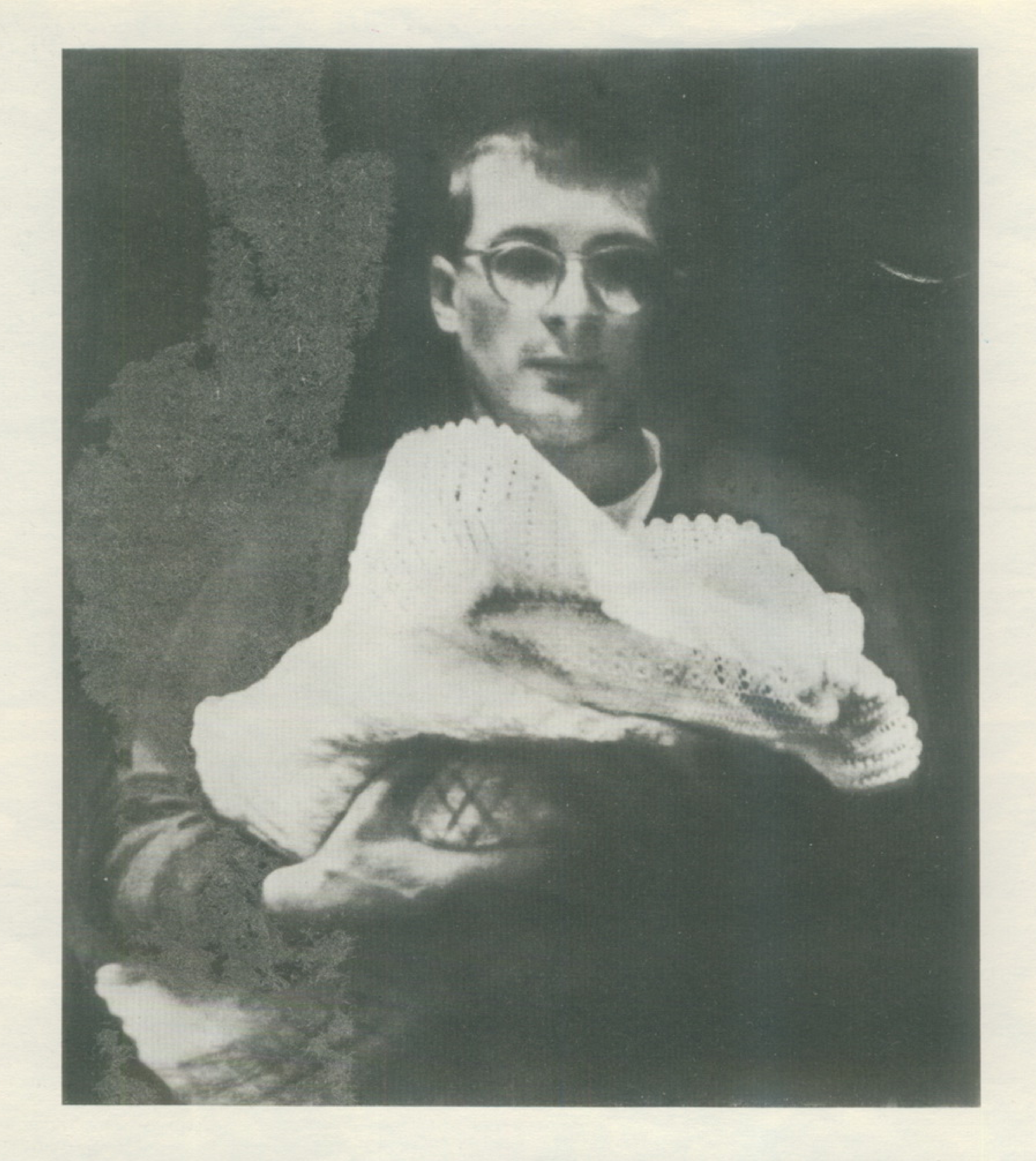

смотрите!

В Британской империи никогда не заходит солнце и не просыхают слезы, говорили в старые времена. Сегодня многое изменилось: нет империи, исправно, как и всюду на Земле, заходит в Англии солнце... Но нет, есть на Британских островах, славящихся своими традициями, вещи «вечные». Взгляните на снимки, которые взяты из гамбургского журнала «Штерн», и вы увидите, что в Англии все так же, как и прежде, шествуют джентльмены на скачки в Аскоте и так же, как прежде, катят свои тачки мусорщики. Что так же, как прежде, увеселяют себя джентльмены бегами породистых собак, и так же, как прежде, собачьей работой добывают себе хлеб горняки Уэльса и стоят в унылых очередях безработные на бирже труда... Удачно устроились джентльмены, несмотря ни на какие перемены с заходом солнца.

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ ДЛЯ?..

В. ПАТЮЛИН,
доктор юридических наук

Человек родился. Как будет ему житься в этом мире? Пробежит ли он свой путь в суете, не заметив его и не будучи сам замечен? Оставит ли он память о себе делом рук своих, души или ума? Суждено ли ему счастье или хотя бы простое удовлетворение от разумности, если угодно, полезности жизни на земле? Или последние дни его окажутся горькими от сознания тщетности, суетности и безнадежности собственных усилий, на которые ушла жизнь?

Впрочем, все ли и везде зависит только от самого человека? Он приходит в мир, где около восьмисот поколений перед ним строили плотины и хижины, изобретали колесо и компьютер, обретали и теряли надежду на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. В мир, где по меньшей мере сорок поколений перед ним завоевывали право на жизнь, достойную человека: чтоб рождался он и жил равный другим, чтоб не помыкали им лишь необходимость и нужда, чтоб было у него право на выбор и собственное решение. Короче, чтоб жил он в обществе, где власть принадлежит народу, — в обществе истинной демократии. Разумеется, родившись, он еще не знает, но узнает, едва вступив во взрослую жизнь, что существует два понимания демократии. Демократии, как действительного равенства, справедливого распределения богатства, созданного трудом всех членов общества, участия каждого человека в решении тех дел, от которых зависит и его благополучие и благополучие всего общества, равноправия и уважения в отношениях с другими расами, народами и странами.

И другое понимание демократии, предполагающее использование ее благородных принципов в качестве удобной ширмы, позволяющей каким-то пяти процентам самых богатых диктовать свою волю, называя ее при этом справедливой и законной, остальным девяноста пяти процентам людей. Что ждет человека, если он родился в той половине этого мира, где демократия означает власть миллионеров и миллиардеров?

Едва начав самостоятельную жизнь, он узнает, что основа основ любой буржуазной конституции, принцип — «чтобы свобода могла осуществляться надежно, она должна сопровождаться владением определенным имуществом» — имеет и к нему самое непосредственное отношение. Чем ограниченнее его собственность, тем меньше может он рассчитывать на то, что пра-

ва, записанные в конституции, помогут ему в жизни. Чего уж тут говорить о тех фундаментальных правах, которые вообще нигде не записаны и ничем не гарантируются!

Едва начав самостоятельную жизнь, он узнает, что такое экономическое неравенство. «Поль Гетти, — писала об американском миллионере французская газета «Монд дипломатик», — зарабатывал за день столько же, сколько американский рабочий зарабатывает за всю жизнь». Сколько же в западном мире таких полей гетти, оставляющих своим рабочим столько, сколько им, миллионерам, кажется справедливым? «В США, продолжает «Монд дипломатик», сегодня 5 процентов самых богатых контролируют половину богатства. Повышение уровня жизни не может заслонить от внимания удивительную стабильность экономического неравенства (и даже его усугубление) в относительных цифрах и огромное углубление в абсолютных цифрах пропасти между богатыми и бедными». Об этой же углубляющейся пропасти американский экономист Дж. Гэлбрейт говорит следующее: «Люди бедны и в том случае, если их доход, обеспечивая возможность выживания, намного ниже среднего дохода их сограждан и не позволяет иметь того, что рассматривается как достаточный прожиточный минимум». А это значит, что даже в лучшем случае, обеспечив себе прожиточный минимум, человек останется на нижней ступеньке общества, сможет воспользоваться только ничтожной частью тех благ, какими располагает «среднестатистический» член общества.

Человек родился... Уже в первый день жизни он мог бы, будь он в состоянии, убедиться в том, что сделал свою первую ошибку — родился не в той семье. Бедность — это своего рода социальная подножка общества еще не умеющему ходить человеку. Человеку предстоит пройти сквозь множество испытаний, цель которых одна — социальный отбор, и первый такой отсев начинается в детстве. Попадаешь в одну категорию — у тебя одни права на жизнь, в другую — иные, чуть меньшие, в третьей, беднейшей, — и вовсе никаких, кроме права выжить. Конечно, в детстве даже самая тяжелая жизнь не обходится без солнечных дней, но детство ведь кончается... Конечно, доброхоты-бодрячки пытаются поддержать дух молодых изгоев: любой, мол, продавец газет может стать со временем миллионером. Но то ли газет не хватает, то ли щедрых покупателей... Бедность рождает бедность, и из ее цепких объятий выбраться нелегко. Экономисты подсчитали, что из каждых 100 бедных семей в США 70 продолжают оставаться бедными, 11 избавляет от бедности смерть, 12 становятся чуть менее бедными, и только 7 балансируют на мостике, отделяющем бедность от обеспеченности. В 1974 году приблизительно 29 процентов, почти треть населения США, получали доход ниже официально установленного порога бедности. 14 миллионов мужчин, женщин и детей в США живут на различные виды пособий. Большинство из них потеряло всякую надежду подняться со дна нищеты.

«Трагическая истина заключается в том, — пишет председатель совета по делам детей Фонда Карнеги К. Кенистон, — что 25 процентов американских детей (а то и больше) ожидают безработица и нищета. Дети из малоимущих семей лишены элементарных условий для правильного развития. Они подвергаются бо́льшим опасностям, чем дети из обеспеченных семей. Удел бедняков — густо населенные гетто, кишащие крысами».

Статистические авторитеты Англии утверждают, что 5 процентам жителей страны принадлежит 51,1 процента богатства. Доходы остальных таковы, что держат их в постоянном страхе — любая случайность: болезнь, потеря работы — столкнет их в нищету...

Человек подрос, и пришла для него пора учиться. Здесь ждет его вторая ступень отбора: ты проходи и ты проходи, а ты, извини, не подходишь для этой школы: разве твои родители не знают, почем здесь обучение? Хорошее дело доступ к знанию. И право на него везде записано. Однако в США 23 миллиона неграмотных, не умеющих ни читать, ни писать. (Эти сведения через газету «Вашингтон пост» сообщил департамент просвещения самой развитой страны капиталистического мира.) Журнал национальной ассоциации просвещения США «Образование сегодня» считает, что и в ближайшем будущем положение не изменится к лучшему.

Школа позади, и человек на пороге высшего или специального образования. Оно, понятно, не обязательно, но право-то получить его есть у любого человека? Несомненно. Часто даже способностей никаких не нужно, все равно можно чуть ли не всю жизнь учиться — нужны только средства (в США, к примеру, стоимость годового обучения в университетах доходит до десяти тысяч долларов). Но вот человек минует еще один тур отбора: теперь он на коне, теперь все дороги перед ним открыты. Ведь у него диплом в кармане! Но... как говорят сегодня молодые выпускники вузов Франции, ФРГ, Италии, «диплом — это гарантия безработицы»...

Человек, столкнувшись с экономическим неравенством, решил своим трудом разорвать путы бедности. Свободен ли он помышлять об этом? Разумеется. Но вот это самое естественное и неотъемлемое право — своим трудом зарабатывать себе на жизнь — даже в тех случаях, когда оно декларировано в конституциях западных стран, остается благим пожеланием, так как несовместимо с самой сутью экономических отношений при капитализме. Возможность найти работу—дело случая и удачи, особенно в период экономических спадов. Западногерманский журнал «Шпигель» определяет положение таким образом: «Трудоспособные в ФРГ в последующие годы будут принадлежать к двум классам: те, кто имеет работу, и те, кто эту работу ищет». А ищет ее уже сегодня в промышленно развитых странах Запада 17 миллионов человек. Большинство среди них — это все те же дети бедности, которые не имели условий «для правильного развития», получения образования, специальности, квалификации, не прошли по мостику в клан богатых, где им нашли бы не просто работу, а дело по душе.

Человек родился, оказался в обществе, называющем себя демократическим. «Все люди сотворены равными и наделены творцом своим определенными неотъемлемыми правами, к числу которых относится право на жизнь, на свободу и на стремление к счастью» — эти слова из Декларации независимости США, которую выдают за утверждение демократического идеала. Но и сегодня слова о том, что «все люди сотворены равными», остаются не больше, чем этическим идеалом, далеким от повседневной жизни. Даже среди, казалось бы, равной бедности и безработицы есть свои отверженные — люди небелой расы, женщины, молодежь. Едва закончив школу, полмиллиона молодых французов оказались лишними на бирже труда, половина безработных в США, 44 процента в Англии, 30 процентов в ФРГ, треть безработных в Италии моложе 25 лет. Крушение надежд, горькое разочарование, полная безысходность — такими словами характеризует буржуазная печать положение, в которое попали молодые люди. Многие из них оказались не подготовленными к аварии, которая случилась на самом пороге самостоятельной жизни. Они не успели вступить в профсоюз, им даже пособий по безработице не положено... Лишние в неполных 20 лет в обществе, обещавшем равные возможности.

Не менее распространена сегрегация по расовому признаку. По свидетельству английского журнала «Экономист», примерно на каждые 40 жителей Англии приходится один «цветной». «Африканские и азиатские эмигранты, — считает журнал, — быстро оказались на дне общества. Эти подлинные изгои находятся в более безнадежном положении, чем кто бы то ни был... Как правило, им приходится работать в таких условиях, на какие белые не согласились бы ни за какие деньги». А Соединенные Штаты по меньшей мере перед восьмой частью своего населения захлопывают дверь в современный мир. Примерно 31 процент всех негров, индейцев, пуэрториканцев принадлежат к самым бедным в богатейшей стране капиталистического мира. Только 38,8 процента чернокожих американцев имеют работу, остальных статистика относит к «экономически неактивным». Еще и сегодня, несмотря на успехи движения за гражданские права черного населения Америки, пуля полицейского, судебная расправа ждут негритянского активиста, если он перешел дорогу тем, кто считает его виновным уже «потому, что он чернокожий». «Дело» негритянского писателя, поэта и общественного деятеля Делберта Тиббса, историка и поэтессы Асаты Шакур, священника Бена Чейвиса; другие случаи менее известных, но не менее несправедливых преследований за цвет кожи. Не есть ли это откровенное покушение на самое неотъемлемое право, право на жизнь? Ведь во многих штатах неправый суд грозит своим жертвам электрическим стулом. Известный американский писатель Джеймс Болдуин в письме к президенту Картеру написал: «Эти случаи — лишь симптом чудовищной несправедливости, за которые вы, как избранный руководитель страны, несете теперь ответственность. Слишком многие находятся в тюрьмах, слишком многие голодают, слишком многие не могут найти ни одной двери, которая бы перед ними открылась».

Так много бедности, соседствующей с роскошью. Так много горя, соседствующего с самодовольством и равнодушием. Так много бесправия в «мире равных возможностей»...

Хитроумна, если приглядеться, эта система постоянного систематического отсе-

на стр. 9 ▶

CRIME AND

1776

НОВАЯ КАМЕРА ДЛЯ АССАТЫ

В. БАЙДАШИН, корреспондент ТАСС, — специально для «Ровесника»

В небольшом городке Нью-Брансуик, расположенном в часе езды от Нью-Йорка, в здании местного суда шел политический процесс над видной активисткой движения американских негров за равные права Ассатой Шакур.

Чтобы попасть в зал суда, автору пришлось подвергнуться унизительной процедуре тщательнейшего обыска и досмотра. Для начала полицейский отобрал магнитофон, фотоаппарат, блокнот и авторучку. Затем заставил вывернуть все карманы и изучил их содержимое. После этого специальным прибором, которым просматривают пассажиров в аэропортах, прошелся по всей одежде. И, только убедившись, что корреспондент не имеет при себе ничего «противозаконного и опасного», полицейский дал команду пропустить.

«Обвинение ищет любые поводы, чтобы оправдать те жестокие меры наказания, которых оно требует в отношении Ассаты, — сказал мне во время перерыва в заседании ее адвокат, видный негритянский юрист Льюис Майерс. — Если узнают, что Ассата дала интервью «красному» корреспонденту, то поднимут такую шумиху в зале суда и в печати, что это может только повредить ей. Не забывайте, что ее участь будет решать жюри, в составе которого нет ни одного негра».

Адвокат предоставил мне несколько выступлений Ассаты в суде перед присяжными, а также написанных ею собственноручно текстов для листовок, которые издаются созданным недавно «Комитетом в защиту Ассаты Шакур» для распространения на митингах протеста и просто на улицах. Эти слова Ассаты, с ее разрешения, и использованы здесь в качестве прямой речи.

О т р е д а к ц и и. «Будем надеяться и верить», — прочтете вы в конце этой корреспонденции из Нью-Йорка. Надежды на отмену нелепого обвинения против Ассаты Шакур не сбылись. Когда материал уже был сверстан, пришло известие, что она приговорена к пожизненному заключению. Судебная машина США добавила в свой список нарушений прав и свобод человека еще одну расистскую расправу.

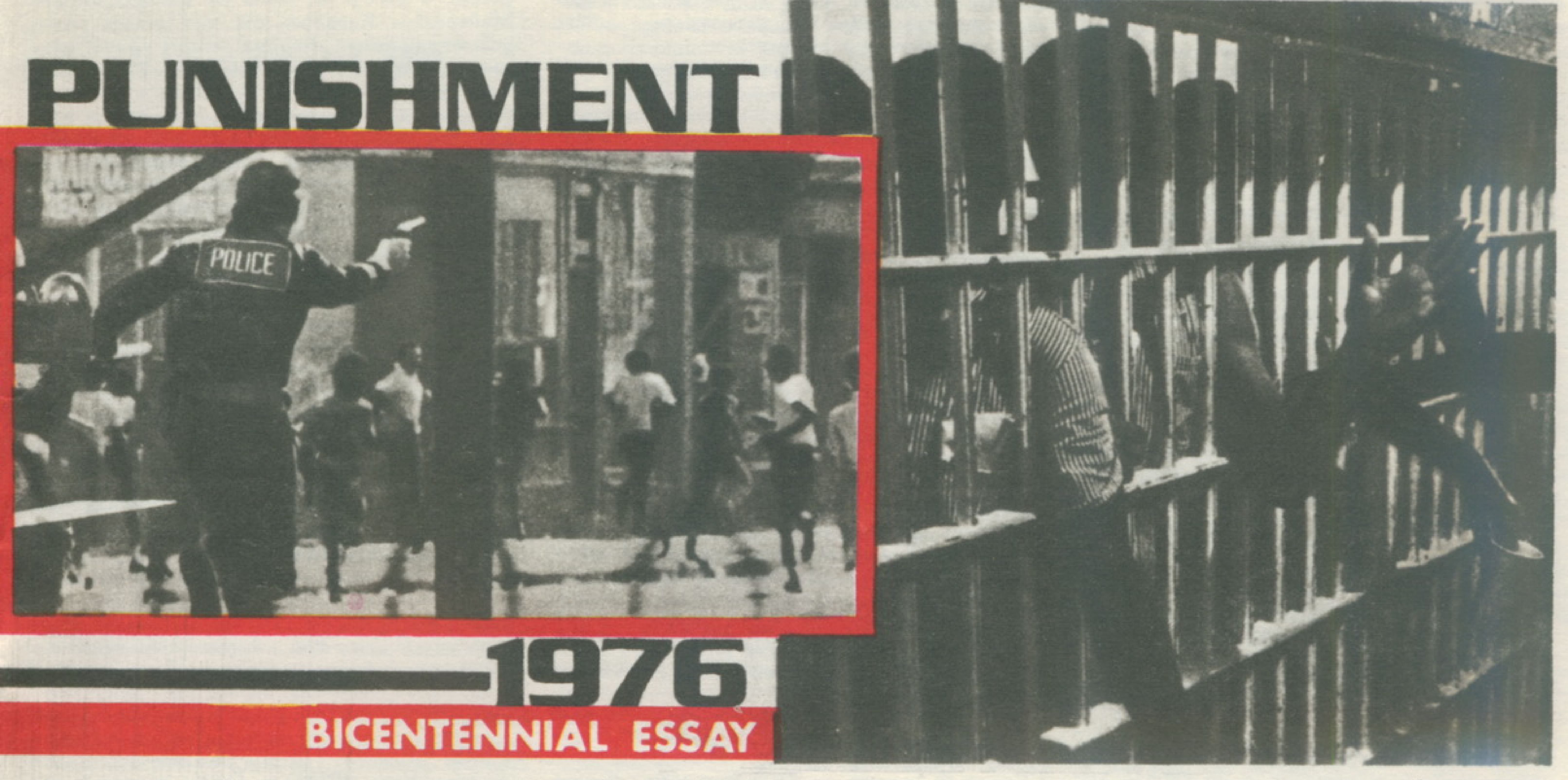

„Если ты живешь в Америке, ощущение страха может оказаться даже полезным. Но плохо, если страх тебя подчиняет, если он парализует твою волю к борьбе. Я больше страшусь того, что со мной будет, если перестану бороться, чем того, что произойдет, если буду продолжать борьбу. Я негритянская революционерка и потому стала жертвой ненависти и издевательств, на которые способна Америка. Как и за другими негритянскими революционерами, за мной охотились как за зверем, и, как других негритянских революционеров, Америка хочет меня линчевать.

Сотни лет тому назад мои предки были похищены в Африке и насильно вывезены со своей родины в Америку, где их превратили в рабов. Вы, возможно, слышали о нашумевшей книге писателя-негра Алекса Хейли «Корни», которая вышла в США в прошлом году. Недавно по ней был поставлен многосерийный телевизионный фильм. Для многих американцев жестокости рабства в США были открытием, они впервые узнали, как негров заставляли отказаться от своего языка, от своих имен, от африканской культуры. Двенадцать лет понадобилось А. Хейли, чтобы найти свои «корни»: он совершил не одно путешествие через океан к африканским берегам, но все-таки разыскал в Гамбии те места, где жили его предки, точно установил их племя, язык и свое настоящее имя.

Нашему брату Хейли (у американских негров принято обращаться друг к другу как к «брату» или «сестре». — *В. Б.*) повезло. Но миллионы других негров в Америке, в частности я, не могут сделать того же. Поэтому, стремясь вернуться к своим «корням» и заново открыть для себя культуру своих предков, многие из нас в последние годы поменяли свои имена, происшедшие из нашего рабского прошлого, на другие, африканские. Я выбрала себе имя Ассата Шакур».

Ей 29 лет. Родилась на Юге, в штате Северная Каролина, и рано испытала на себе, каково в Америке родиться «небелым». Однажды, когда ей было семь лет,

мать пошла с ней в местную библиотеку. Но едва они переступили порог, как услышали: «Неграм сюда нельзя». «Успокойся, доченька, не плачь, — приговаривала мать, вытирая слезы девочке и себе. — Скоро мы переедем жить на север, в Нью-Йорк. Говорят, там нашим людям жить полегче».

В Нью-Йорке, однако, оказалось ненамного лучше. Правда, школьницу Джоан Чезимард, как звали тогда Ассату Шакур, здесь не гнали из библиотеки: в Гарлеме как раз все для негров — и библиотеки, и школы, и магазины. Ведь в Гарлеме живут одни негры. Другое дело, что гарлемские библиотеки не идут ни в какое сравнение с теми, которые находятся в «белых» кварталах Нью-Йорка. Натура впечатлительная, обостренно воспринимающая все, что происходит вокруг, Ассата Шакур не могла смириться с живучим еще в США расизмом, с дискриминацией по цвету кожи.

И она включается в борьбу. Закончив с отличием колледж, Ассата вступает в организацию «Черные пантеры», которая в 60-е годы наряду с другими прогрессивными силами шла в авангарде негритянского движения за равные права. В это время в негритянских газетах начинают появляться стихи за подписью Ассаты. В них — скорбь и гнев, надежда и призыв бороться за равенство и свободу. Их часто читают на митингах. Ассата и сама много выступает перед гарлемцами.

За ней устанавливают слежку. Реакционная газета «Дейли ньюс» помещает провокационную статью, называя ее «красным комиссаром» и «идеологом негритянских террористов». Первый камень брошен, и вот в феврале 1972 года шеф нью-йоркской полиции Патрик Мэрфи объявляет Ассату Шакур «особо опасной преступницей типа Анджелы Дэвис». При ее задержании полицейским разрешается действовать по принципу: «Сначала стреляй, потом спрашивай». Фотографии Ассаты в профиль и анфас показали по телевидению, поместили в газетах, расклеили на стенах метро и почтовых отделений. Во все полицейские участки Нью-Йорка и соседнего штата Нью-Джерси полетели депеши о задержании Ассаты Шакур с описанием ее примет. Охота началась.

«Я на себе поняла, что пути американского «правосудия» поистине неисповедимы, — говорит Ассата. — Не предъявив мне какого-либо обвинения, не назвав «преступления», меня тем не менее объявили «опасной преступницей». Я была вынуждена уйти из школы, где преподавала историю, и скрываться. Друзья решили охранять меня, так как с благословения Мэрфи в меня мог стрелять без предупреждения любой «коп» (кличка, часто употребляемая по отношению к полицейским в США. — *В. Б.*). Товарищи очень берегли меня, но все же полиция напала на след. Поздно вечером 2 мая 1973 года я с двумя товарищами возвращалась из Нью-Йорка в Нью-Джерси (друзья перевозили Ассату только с наступлением темноты: днем ее мог опознать любой патрульный полицейский. — *В. Б.*). На ответвлении шоссе Нью-Джерси — Тернпайк к городу Нью-Брансуик наш белый «понтиак» вдруг остановил патрульный полицейский. Нам сразу же показалось, что «коп» уже знал, кто едет в машине, так как он держал наготове пистолет. Я легла на сиденье, и тут же раздались выстрелы. Видимо, первая же пуля попала в меня: я сразу потеряла сознание, а очнулась в тюремном госпитале. Уже там, после операции, мне сказали, что один из моих товарищей убит, другой схвачен, мне предъявлено обвинение в «убийстве патрульного полицейского».

Ассата не сказала, что она вообще чудом осталась жива в тот день. Первые две пули патрульного Джеймса Харпера предназначались именно ей. Хотя она успела отвернуться от полицейского и лечь на сиденье, Харпер выстрелил, так как заранее знал, кто едет в «понтиаке». Задержание машины в данном случае было обычной засадой. Харпер стрелял наверняка. Больше часа — пока к месту перестрелки подъехали другие полицейские машины, пока эксперты из полицейского управления фотографировали, производили осмотр места происшествия и делали замеры — Ассата оставалась лежать без сознания в машине, теряя кровь. Ее увезли в больницу лишь после того, как были закончены все формальности.

«Преступление и наказание. 1776—1976 — очерк двухсотлетней истории» — так был назван коллаж, помещенный в американском журнале «Ньюсуик». Двести лет насилия, жестокости, преследований и издевательств над негритянским населением, истребление индейцев — такой предстает история Соединенных Штатов и на картинах, сделанных двести, сто лет назад, и на совсем недавних фотографиях. Внизу слева: Ассата Шакур. Фото взято из газеты «Дейли уорлд» (США).

С того майского дня началась ее тюремная эпопея, равной которой по жестокости давно не припомнят в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси. Заполучив Ассату в свои руки, судебные власти Нью-Джерси начали спешно готовить процесс над тяжелораненой негритянской активисткой. Казалось, предусмотрено было все. Состав суда был подобран из одних белых и соответствующим образом обработан. И тем не менее присяжные при вынесении вердикта разошлись во мнениях, причем большинство их не согласились с версией обвинения и высказались за оправдание Ассаты Шакур. По американским законам, решение присяжных должно быть единогласным, и судье пришлось назначить новый процесс.

Подготовка к новому суду длилась около трех лет. В промежутке Ассату не выпустили на свободу «под залог», что разрешают даже самым опасным преступникам. Ее перевезли из Нью-Брансуика (штат Нью-Джерси) в нью-йоркскую тюрьму на острове Райкерз. Здесь, в Нью-Йорке, ей пришлось пережить еще четыре (!) процесса по ложным обвинениям в «ограблении федерального банка», «попытке убийства двух нью-йоркских полицейских», «похищении человека с угрозой для его жизни» и, наконец, «заговоре».

Все попытки позорно провалились: присяжные во всех случаях единодушно оправдали Ассату. На последнем процессе, во

время которого судья лишил Ассату Шакур ее адвоката — видной негритянской юристки Эвелин Уильямс, упрятав ее в тюрьму под предлогом «неуважения к суду», Ассата взялась защищать себя сама. Она вполне профессионально провела перекрестный допрос «свидетелей» обвинения — агентов охранки, выведя их на чистую воду. А ее заключительная речь вызвала аплодисменты присутствовавших в зале суда.

«Вместе с вами, — сказала Ассата, обращаясь к присяжным, — я слышала, как судья Томпсон говорил об американской системе правосудия. Он говорил о презумпции невиновности, о равенстве и о справедливости. Он нарисовал здесь прекрасный мир. Однако я прождала суда два с половиной года. Правосудие, по-моему, не входит больше в понятие «американская мечта», оно — кошмар Америки. Было время, когда я хотела верить, что в этой стране существует справедливость. Однако реальность сокрушила и разнесла вдребезги мои надежды. В ожидании суда я, можно сказать, защитила для самой себя в тюремной камере ученую степень по правосудию, вернее, по отсутствию такового в США в его подлинном смысле.

Я сидела вместе с бедной женщиной, готовящейся стать матерью. Она отбывает 90 дней за то, что унесла из магазина пачку детских пеленок. У нее не было денег на пеленки! Президент же США, который несет ответственность за гибель тысяч американцев и сотен тысяч вьетнамцев, даже формально не был обвинен в каком-либо преступлении. Разве это равенство перед законом? А миллионы людей, которые с самого рождения обречены прозябать в бедности и работать, как волы. Где для них справедливость? И что это за справедливость? Когда бедняка за любую провинность тащат в тюрьму, а богача отпускают на свободу. Когда свидетелей покупают и подкупают. Когда само свидетельство выдумывается и фабрикуется. Когда людей судят не за преступные действия, а за политические убеждения...

Медгар Эверс, Фред Хэмптон, Клиффорд Глоувер — они видели эту справедливость? Эверс, лидер негритянского движения за равные права на Юге, был убит куклуксклановцами. Хэмптон, возглавлявший организацию «Черные пантеры» в Чикаго, погиб от руки полицейского. Клиффорду Глоуверу было всего 10 лет, когда в Нью-Йорке его жизнь выстрелом в спину оборвал белый полисмен. А где справедливость в отношении коренного населения?..

Мое «дело» — наглядный пример того, как у нас осуществляется правосудие. На протяжении всей истории Америки людей сажают в тюрьму за их политические убеждения, ложно обвиняя в уголовных преступлениях. Те, кто выступает против несправедливости системы, дорого платят за свою смелость, в иных случаях и своей жизнью. Лолита Леброн[1], Анджела Дэвис — им, как и многим другим, предъявили обвинения в уголовных преступлениях, но фактически они были политзаключенными. Мартина Лютера Кинга без конца арестовывали за то, что он возглавлял мирные демонстрации протеста, пока расистская пуля не оборвала его жизнь.

У меня нет никакой веры в систему правосудия в нашей стране. Я слишком много видела. Если бы у нас существовала справедливость, я бы не находилась сейчас здесь, на скамье подсудимых».

Суд присяжных — одиннадцать белых и один негр — оправдал Ассату. Однако на свободу ее и на этот раз не выпустили: ведь над ней еще висело первое обвинение — в «убийстве патрульного полицейского» в Нью-Джерси. Ассату вернули в тюрьму на остров Райкерз. Когда она, улыбаясь, вошла в свою камеру с букетом цветов, подаренных друзьями после ее оправдания, на нее набросились одиннадцать здоровенных тюремщиков. Особенно усердствовал рыжий детина, сопровождавший Ассату в суд и слышавший ее выступление. «Свободы захотела, справедливости? Получай сполна!» — ревел он и бил ее, лежащую на полу, ногами. Ассате разбили голову, не оставили на теле живого места. Однако ни один из охранников-расистов не был подвергнут хотя бы дисциплинарному взысканию.

Утром 29 января 1976 года несколько полицейских машин с нью-йоркскими номерами вынырнули из тоннеля «Линкольн-таннел», соединяющего Нью-Йорк с территорией штата Нью-Джерси. Здесь, в Нью-Джерси, к ним присоединились полицейские машины из Нью-Брансуика, в которых сидело около 40 вооруженных солдат национальной гвардии штата, и кавалькада машин понеслась, мигая огнями, по широкому бетонному шоссе Нью-Джерси — Тернпайк на юг, в Нью-Брансуик. Конечным пунктом этого полицейского вояжа, который нарушил тихий уют небольшого городка, было серое мрачное здание тюрьмы «особо строгого режима», построенное еще в прошлом веке. Ассата Шакур (это в ее честь полицейские власти устроили подобную шумиху) вышла из машины, и сразу же ее схватили за локти два полицейских агента. Несмотря на внушительную охрану, Ассата закована: на руках и на ногах цепи. «Точно так привозили моих предков из Африки в рабовладельческую Америку», — говорит она.

«В Нью-Брансуике меня встретили с «почестями», которые редко оказывают даже настоящим опасным преступникам, — рассказывает Ассата. — По словам местного шерифа, специально для меня в подвале тюрьмы выстроили новую камеру. В этой «новой» камере не было ни света, ни элементарной вентиляции, а сырые стены уже вполне были освоены мокрицами и жучками. После того как мои адвокаты подали протест, судье Т. Эпплби понадобилось несколько недель, чтобы дать указание тюремщикам вкрутить в камере лампочку.

Мне запретили прогулки на воздухе (что, кстати, не возбраняется матерым уголовникам, находящимся в этой тюрьме. — *В. Б.*). Все 24 часа я вынуждена сидеть в подземном карцере под неусыпным наблюдением специально поставленных сюда охранников. Они мне как-то признались, что это подземелье — для них самое ужасное место дежурства. Через адвокатов я потребовала предоставить мне возможность хоть для физзарядки в коридоре (размеры ее темницы этого не позволяют. — *В. Б.*). Последовал отказ. Мне сказали, что я еще успею походить, когда начнется суд».

Уже второй год Ассата Шакур содержится в подобных условиях. Национальная конференция негритянских адвокатов и Национальный союз борьбы против расистских и политических репрессий попытались добиться у судебных властей Нью-Джерси перевода Ассаты в нормальную камеру: у нее начало портиться зрение. Власти оставили эту просьбу без внимания.

«Удивительная женщина, эта Ассата, — сказал в беседе со мной ее адвокат Льюис Майерс. — Казалось бы, все делает полицейско-тюремная система, чтобы смять, раздавить, растоптать ее. Она ведь, по их мнению, хлюпик-интеллигент. Однако Ассата не сдается и собирается бороться до конца. Чем сильнее на нее давление, тем выше ее дух. И еще, она большой оптимист и верит, что доживет до того дня, когда все люди в Америке будут равны. Она и дочь свою назвала африканским именем — Какуя, что означает «Надежда».

Ассата и в тюрьме продолжает бороться. В прошлом году накануне 4 июля, когда в США проходило помпезное празднование 200-летия образования республики, она передала на волю заявление, которое зачитали на массовом митинге в Филадельфии.

«Что значит это 200-летие для негров, чиканос, пуэрториканцев? Что оно значит для бедняков, трудящихся масс, всех, кто подвергается капиталистическому угнетению? Что значит оно для коренных американцев — индейцев? Что значит оно для всех жертв Америки? — писала в своем заявлении Ассата. — Что мы должны праздновать? Расправы и расстрелы инакомыслящих в Вундед-Ни, Аттике, Бирмингеме, Кентском университете? Маккартизм и Уотергейт? Линчевание негров, концентрационные лагеря и аморальную войну в Индокитае, развязанную нашим правительством? Может быть, мы должны чествовать в этот день ФБР и ЦРУ, горящий куклуксклановский крест и власть всемогущего доллара?

В Америке нет ни свободы, ни справедливости, ни равенства. В 1776 году американские негры были рабами. Они остаются рабами и в 1976-м, угнетенные расистской системой, в которой имущие владеют всем, а неимущие на них работают. В 1776 году американская республика была основана земельными аристократами, которые пеклись о защите своих интересов. И в 1976-м наша страна остается в руках кучки богатых. Вот почему мы не должны принимать этот юбилей, который нам пытаются навязать сильные мира сего в США. Только глупец может праздновать свою собственную кабалу.

Нам нечего праздновать! Пусть празднуют рокфеллеры, дюпоны, форды и мелоны. Это их юбилей. Это декларация их независимости. Мы же в этот день должны принять новую, подлинно народную декларацию. Давайте работать. Организовываться, бороться, чтобы через сто лет нашим детям действительно было что праздновать».

В этих словах вся Ассата — решительная, стойкая, не теряющая веры в победу своего дела. Сейчас в США предпринимается шестая (!) по счету попытка расправиться с ней судебным путем. В случае осуждения ее ожидает пожизненное заключение — то, чего давно добиваются власти.

«Суд идет!» — раздается в Нью-Брансуике. Идет неправый суд над мужественной негритянской поэтессой, историком, пламенным борцом против расизма и политических репрессий в США. Когда я приехал в Нью-Брансуик, около здания суда гремела молодежная демонстрация, в которой участвовали студенты белые и негры, старшеклассники, молодые рабочие и служащие. Люди скандировали: «Свободу Ассате Шакур!», «Долой судебную расправу!», «Ассата — мы с тобой!» На одном из плакатов было написано: «Мы верим — Ассата разорвет цепи и выйдет из подземелья!» Да, будем надеяться и верить.

Нью-Йорк, март

---

[1] *Лолита Леброн — пуэрто-риканская патриотка, брошенная американскими властями в застенки 23 года тому назад за участие в борьбе за освобождение Пуэрто-Рико от диктата США.*

▼ со стр. 5

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ ДЛЯ?..

ва людей. Ведь внешне она чаще всего не закрывает напрочь двери лифта, везущего вверх. Пожалуйста, пробуй, поехали вместе. Отчего же многие, однако, остаются за дверьми; нет, к примеру, закона не принимать на работу именно молодых специалистов. Есть, однако, право у хозяев предприятий делать выбор в пользу специалистов опытных, и нет права у молодых рабочих на обеспечение работой. Человека все время оставляют с впечатлением, что это он сам «виноват»: то денег недособрал, то не повезло, то, видите ли, чего-то в нем самом не хватило... Система тут рассчитана так, что «лишних» всегда ототрут от узкого прохода в дверь. Как говорил еще в прошлом веке известнейший экономист Адам Смит, общество «устанавливает власть для охраны собственности, власть действительно служит защите богатых от бедных».

Любая конституция или свод законов, ее заменяющих, кроме разве откровенно фашистских, включает не только основные права человека, но и его политические и личные свободы. При этом в развитых капиталистических странах делается особый упор на диапазоне этих свобод и прежде всего подчеркивается возможность выбора, предоставляемая каждому человеку (конечно, если тот по каким-либо политическим мотивам этого выбора давно не лишен). Основанием для этого якобы служит принцип многопартийности, или, как говорят, «свободной игры политических сил». «Игра» эта на первый взгляд и в самом деле может породить иллюзию возможности участия рядового человека в управлении страной. Но жизнь, реальная жизнь так мешает избирателю-оптимисту... Жизнь открывает ему: когда в Белом доме меняется администрация, то в стране попрежнему сохраняется власть нескольких кланов с состоянием в миллиарды долларов. Когда правнуку основателя концерна «Стандард ойл» демократу Дж. Рокфеллеру IV захотелось стать губернатором штата Западная Вирджиния, он выложил 2,5 миллиона долларов и стал им. Поражение потерпел представитель республиканской партии, на которую семья Рокфеллеров в этом веке пожертвовала уже 250 миллионов долларов. В конце концов, в названии ли партии дело?!. Это ли не «свободная игра политических сил», в которой приглашают принять участие и человека с улицы.

У комиссара французской полиции А. Кампана было своеобразное хобби. Много лет он расследовал, откуда берут деньги буржуазные политические партии на предвыборные кампании. Его книга «Секретные деньги» приоткрыла некоторые тайны. Чтобы стать депутатом французского парламента, надо израсходовать примерно 10 миллионов старых франков, пост сенатора в США стоит дороже — миллиард старых франков. Как замечает А. Кампана, те, кто дает такие деньги кандидату, надеются после его избрания получить что-то взамен. И естественно, это «что-то» получают, ведь впереди маячат новые выборы!..

Компания «Америкэн эйрлайнз» предала гласности список конгрессменов, которых она субсидировала в 1971—1973 годах. На весь мир прогремел скандал фирмы «Локхид», закупавшей законодателей и законоисполнителей на всех континентах. Предоставлял членам конгресса значительные суммы и некий южнокорейский бизнесмен Тон Сун Пак. Как сообщило агентство Ассошиэйтед пресс, американские политики признались в получении «подарков» от дельца из Южной Кореи, тем самым еще раз поразив избирателей США своей фантастической нечистоплотностью. В Южной Корее правит неприкрытая диктатура, и именно члены конгресса демократической Америки выделяют субсидии на содержание «сил безопасности» этой диктатуры. Короче, деньги американского налогоплательщика идут в карман южнокорейским диктаторам, а деньги южнокорейских правителей — американским конгрессменам. Может быть, это и сложноватый путь получения денег, но таковы уж правила игры в демократию.

Последние годы, как помнит читатель, оказались богаты на скандалы, разоблачавшие истинную цену демократии западных стран. Трудно даже назвать страну развитого капитализма, где бы кто-нибудь кого-нибудь ни разоблачил: дело оказалось азартным, доходным для тех политических и экономических групп, которые «разоблачали», и, наконец, в определенной степени идеологически выигрышным с точки зрения пропаганды. Парадоксально на первый взгляд, но каждое новое пятно грязи и факт его выставления на белый свет буржуазная пропаганда пыталась использовать в качестве доказательства... глубокой моральности западной демократии. Свобода газет писать о том или ином отдельном грязном деле (хотя известно множество примеров и того, как на пути таких разоблачений вставали непреодолимые заграждения) выдавалась за якобы реально существующую систему контроля большинства над правящим меньшинством. Как доказывают новые скандалы, возможность поговорить о них сегодня никак не означает гарантию не иметь их завтра. Клод Жюльен, автор книги «Самоубийство демократии», справедливо писал: «Смешно говорить о демократии (вернее говорить-то можно сколько угодно, вот ожидать ее никак не приходится. — **В. П.**), когда деньги открывают двери к власти, которая, в свою очередь, дает шанс делать еще бо́льшие деньги».

Разговоры о демократии, о правах и свободах всегда были в почете у западных средств массовой пропаганды. По телевидению и на киноэкранах, в газетах и по радио не устают без конца расхваливать непреходящие ценности западного мира, порой даже искренне веря в то, что бедные и безработные, бесправные и в правах ограниченные, сомневающиеся и отчаявшиеся научатся наконец думать так, как считают верным думать политики.

Впрочем, это не единственный вид «диалога» между власть имущими и простыми гражданами, не проявляющими энтузиазма по поводу существующего порядка вещей. Существуют и «Постановление о радикалах», «досье на инакомыслящих», подслушивание телефонных разговоров, обыски, полицейские преследования. Несколько примеров. 1972 год. В ФРГ принято «Постановление о радикалах», получившее название «запрета на профессию». Профессор права из Бремена Петер Дерледер так определил, от кого «защищает» общество этот «запрет»: «Подозрительным является уже тот, кто предъявляет слишком большие требования в социальной области и часто говорит о демократизации». Преподаватели, чиновники, служащие, рабочие могут быть уволены по заявлению, доносу или просто по подозрению.

В США в 70-е годы мыслящих самостоятельно стали называть «внутренними врагами». И в Белом доме начали составлять списки тех, кто просто пришелся не по вкусу кому-то из высокопоставленных чиновников.

Можно назвать и «психотерапевтический» метод: в Страсбурге идет судебный процесс, где слушается жалоба Дублина, обвиняющего Лондон в нарушении прав человека в Северной Ирландии, а в это время Лондон с максимальным шумом защищает права человека, например, в Чехословакии, хотя народ этой страны в свои защитники Англию совсем не выбирал и в такой защите не нуждается. Соединенные Штаты отказались подписать и ратифицировать международные пакты и конвенции в защиту прав человека, принятые ООН, потому что эти документы направлены против расовой дискриминации и преследований за убеждения. И в это же время США шумно отстаивают «демократические свободы» в социалистических странах.

Что бывает, когда США удается «отстоять» «идеалы западной демократии», или, как говорит Пиночет, «западные и христианские идеалы», можно увидеть в Чили, Парагвае, Гватемале, Сальвадоре. Бывший министр финансов США У. Саймон поздравил Пиночета с тем, что генералу удалось вернуть чилийскому народу «экономическую свободу». Даже Международный валютный фонд называет эту «экономическую свободу» бесконтрольной спекуляцией: крупная буржуазия по дешевке скупает заводы, оборудование, гостиницы, принадлежавшие раньше государственному сектору, и перепродает их многонациональным монополиям. «Экономическая свобода» в Чили означает «свободу цен» для промышленников и торговцев и установленный декретом «потолок» заработной платы. Это значит, миллионы долларов заработной платы из-за снижения ее покупательной способности перешли из рук трех миллионов трудящихся в руки нескольких тысяч предпринимателей. Это именно те свободы, которые США приветствуют в Чили. До объявления «экономической свободы» Пиночет отменил конституцию, распустил парламент, запретил политическую деятельность, левые партии объявил вне закона, а остальные запретил «на неопределенный срок». Возможно, американских политиков больше устроило, если бы военные в Чили продолжали подавлять любые требования свободы более тихо и незаметно. Хотя кто знает, поддерживают же они не одно десятилетие Стресснера в Парагвае, Гарсиа в Гватемале, генерала Ромеро в Сальвадоре...

Человек родился!.. Можно писать эту фразу большими буквами, можно по справедливости говорить, что даже для всей Земли — это событие. Но человек рождается в своем мирке: в своей семье, в своем доме, на своей улице своего города. Все для него конкретно — условия, в которых он родился и начал жить, надежды, которые могут с ним связывать родители. Человек растет, и мир его расширяется: вот его страна, его друзья и враги, его общество, вот его права и свободы. Все для него остается конкретным. Вот об этом конкретном положении вещей с правами и личными свободами в западных странах и идет речь в этом номере.

ПОСЛЕДНИЙ ИНДЕЙСКИЙ БАСТИОН

Марси МАКДОНАЛЬД, канадская журналистка

Над Скалистыми горами, к западу от нас, сгущаются грозовые тучи, а здесь, среди холмистого предгорья, в индейской резервации «Стоуни» и ее поселке Морли, царит странное оцепенение. Тишина, глухая и наэлектризованная. Признаться, как раз тишины я и не ожидала. Пару часов назад, когда я уже собралась покинуть Калгари (город на юге канадской провинции Альберта. — *Прим. пер.*) последним в этот день самолетом, зазвонил телефон. Женский голос произнес всего одну фразу: «Рой просит передать, что они заняли оффис в Морли». Вот уже больше месяца во мне жило предчувствие, что этот звонок состоится. Звонок, обещающий соединить в одно целое разрозненные, отрывочные факты и поступки людей.

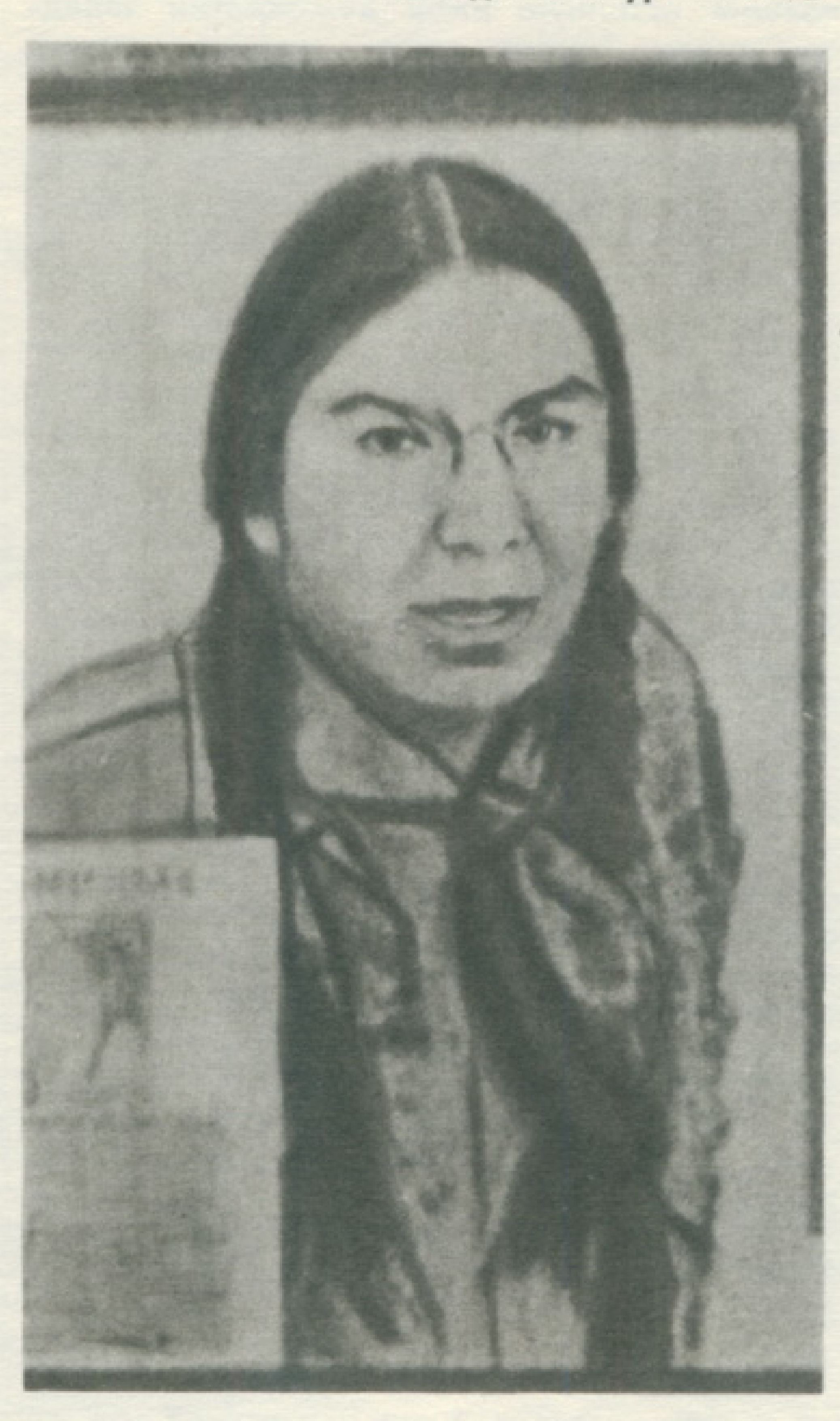
Тихо вокруг, чересчур тихо. Наш автомобиль сворачивает с трансканадского шоссе на гравиевую дорогу. Поселение словно вымерло, ничто не шелохнется, свежий вечерний воздух не тревожат ни детский плач, ни собачий лай. И вот мы видим впереди: кленоволистый канадский флаг, перевернутый верхним концом вниз. Он свисает с балкона щитового деревянного дома — помещения начальства резервации. Всего несколько часов назад к дому подъехала вереница автомобилей. Три десятка людей в красных беретах «Движения американских индейцев»[1] — некоторые с винтовками в руках — вбежали в оффис. Они обвинили руководство резервации в коррупции и предъявили ему список своих требований. Дом они заняли и вывесили канадский флаг в перевернутом виде — традиционный сигнал SOS, которым ЭЙМ пользуется в критических ситуациях. Это символ: индейцы в беде.

Мы останавливаемся на приличном расстоянии от дома и выходим из автомобиля. На балконе маячат силуэты двух часовых, они разглядывают меня и фоторепортера в оптический прицел, снятый с винтовки, и, узнав, машут руками, разрешая подойти. Внезапно перед нами возникает фигура констебля военной полиции. Он, оказывается, сидел в голубой патрульной машине, спрятанной в кустах у дороги.

«Запретить вам идти туда я не могу, но не советовал бы, это опасно», — произносит полицейский.

В доме задернуты все шторы, и тьма была бы кромешной, если бы не полоска света из умывальной в холле. Когда за мной захлопывается дверь, я не сразу различаю четыре фигуры, взгромоздившиеся на баррикаду, которой перегорожен коридор. Они зависают надо мной, с дубинками и бейсбольными битами в руках. Один, долговязый сухощавый парень из племени «черноногих», позднее разговорится со мной. «Меня прозвали Решительным», — сообщит он. У него бесстрастное лицо и отчужденный взгляд человека, немало повидавшего для своих девятнадцати лет.

Индейцы готовятся к долгой осадной ночи — распаковывают одеяла, достают свертки с пирожками и копченой колбасой, проверяют «уоки-токи» (переносные рации. — *Прим. пер.*). Здесь же их жены и дети. Под ногами у часовых путаются два малыша, играющие в пятнашки. Их беготня и визг придают всей сцене видимость беззаботности. Но это обманчивое впечатление. Раздается телефонный звонок, за ним второй, третий... Какие-то неизвестные грозят расправой. Нервы у всех напряжены. Снаружи затаились люди, вооруженные теми, кого молодые индейцы несколько часов назад изгнали из этого дома. «Я с самого начала отдавал себе отчет, что могу и не вырваться отсюда живым», — говорит мне Решительный.

За последние недели я успела изучить этих людей. Вот ответственный за безопасность ЭЙМ Девалон Легкие Ноги, 22-летний крепыш с косичками, в которые вплетены алые ленточки; это он проверял, нет ли при мне оружия. Дон по прозвищу Наездник, плотный 38-летний индеец из Морли; волосы заплетены в три косы, одна из которых скручена в узел, пришедшийся на середину лба; слухи о его могуществе как врачевателя заставляют трепетать многих индейцев. Формально именно Дон возглавляет это выступление, но настоящий вдохновитель — молчаливый и проницательный глава западного крыла ЭЙМ рябой Рой Скромный Командир. И наконец — высокий, стройный Эд Горелая Дубинка, 34-летний руководитель канадской организации ЭЙМ. Ради акции в Морли он только что прервал свою поездку по Европе; на его фуражке приколот значок из Белфаста, в свисающей с пояса кожаной сумке, похожей на кобуру, еще лежит фотоаппарат.

Но когда все они встают вокруг обернутого в красное «барабана войны», кажется, что главное действующее лицо здесь — дух человека, которого больше нет среди них, — Нельсона Легкие Ноги, 23-летнего парня из племени «черноногих», который всю свою горечь и отчаяние, и гнев на мир белого человека выразил в то трагическое воскресенье 16 мая 1976 года, когда он нарочито медленно облачился в собственноручно сшитый алый наряд для ритуального танца, аккуратно положил на пластиковый столик свой расшитый красным бисером танцевальный платок, головной убор из орлиных перьев, трубку и три прощальные записки, в одной из которых он требовал расследования деятельности департамента по делам индейцев и отставки его главы, Джадда Бьюкенена, затем лег на софу под растянутым на стене красным флагом с эмблемой резервации «Пиган», приставил к груди дуло своей охотничьей винтовки «паркер-хейл» 30-го калибра и спустил курок. Пуля пробила сердце.

И вот прошло почти шесть месяцев со дня смерти Нельсона Легкие Ноги, и шесть месяцев среди индейцев живет память о нем как о мученике, принявшем смерть за свой народ. На протяжении всего холодного лета нельзя было отделаться от предчувствия, что индейцы что-то предпримут в память о нем. Но крупных выступлений все не было. Наконец в последнюю пятницу ЭЙМ устроила в Калгари многолюдный трехдневный церемониал. Шествие под траурный барабанный бой возглавлял отец покойного, Нельсон-старший, одноглазый гигант, величественный в своем убранстве из перьев и одеянии из оленьих кож, расшитом бисером. За ним следовали Девалон Легкие Ноги и десятка два молодых активистов местного отделения ЭЙМ, каждый из них нес по портрету, обрамленному черным. Портреты развешаны были по всему городу, печальные глаза молодого человека в очках смотрели с них как обвиняющее memento mori, напоминание о смерти.

«Нервы крепкие?» — спрашивает констебль, протягивая мне фотоснимок, сделанный на месте самоубийства Нельсона Легкие Ноги. Цвета такие резкие и яркие, будто снимок постановочный. Дело происходит за неделю до осады в Морли — я приехала в резервацию «Пиган», чтобы разобраться в причинах поступка Нельсона Легкие Ноги. Но нашла я одни смутные слухи. Они, казалось, шелестели даже в сухом горячем ветре, который обвевал яркую пирамиду искусственных цветов на его могиле, поднимая пыль и навевая новые вопросы.

Констебль, не жалея времени, посвящал меня во все подробности. Вообще вся полиция проявила ко мне необычайную предупредительность. Мне позвонил представитель полиции по связям с прессой, предлагая свои услуги и версии: «Вам, конечно, известно, что от Нельсона ушла жена?» Смысл, вложенный в эти слова, уловить нетрудно: паренек-то был в подавленном настроении... А может быть, он вообще был немного помешан на своих семейных проблемах. Но его 22-летняя вдова, стройная,

---

[1] *Организация, отстаивающая интересы индейского населения. Сокращенно — AIM (ЭЙМ), что, кстати, образует слово со значением «цель». — Ред.*

тоненькая Одри, говорит, что он сам отослал ее на субботу и воскресенье к ее родителям, как уже было однажды, несколькими месяцами раньше, во время крупной индейской сходки в провинции Саскачеван. Он тогда неожиданно позвонил своим родителям и велел им взять к себе Одри и детей, так как опасался за их жизнь.

Полицейские чины втолковывают мне, что «Движение американских индейцев» состоит из каких-нибудь двух десятков юнцов, не имеющих ни малейшей поддержки у населения резерваций. Они твердят, что в настроениях индейцев нет и тени радикализма. Все это звучит забавно, если учесть, что сама же полиция затрачивала столько времени и энергии на слежку за Нельсоном Легкие Ноги, что тот не выдержал и созвал в феврале 1976 года пресс-конференцию, на которой выступил с протестом — рассказал, как на дорогах его то и дело останавливают машины без номерных знаков, как в аэропортах его фотографируют какие-то личности в штатском. Становится еще забавнее, когда вспоминаешь, что всего годом раньше полиция докладывала министерству юстиции, что канадские индейцы представляют собой «главную угрозу национальной стабильности». Сейчас, занижая численность ЭЙМ, полиция открещивается от своих же слов.

Полицейский из отряда по поддержанию безопасности, щеголяющий в остроносых ковбойских сапогах, сказал мне: «Да вам вовек не сыскать в Альберте по-настоящему воинственного индейца. Говорливых, это да. А насчет того, чтобы взяться за оружие, — таких не найдете». Шесть дней спустя я повстречала его на проселочной дороге неподалеку от осажденного офиса в Морли.

Над оффисом всплывает полная луна. Внутри дома горстка воинов сгрудилась вокруг «барабана войны», давая клятву на верность ЭЙМ. Эд Горелая Дубинка сидит на коленях в темном углу. «Если начнется столкновение, может получиться второе Вундед-Ни», — тихо произносит он. Действительно, ожесточенная 71-дневная осада Вундед-Ни в резервации «Сиу Пайн Ридж» штата Южная Дакота весной 1973 года начиналась примерно так же (см. «Ровесник», № 12, 1973. — *Ред.*): небольшая группа членов ЭЙМ выступила против председателя совета племени, и конфликт разросся в блокаду, под стать военной, с применением танков и отрядов агентов ФБР, с перестрелками и гибелью людей. Те события вызвали шок, эхо которого до сих пор вибрирует в резервациях.

Первая ячейка ЭЙМ на территории Канады возникла именно под влиянием событий в Вундед-Ни. Новое поколение индейцев гордо отвернулось от того будущего, которое готовила им извечная индейская судьба, — от соскальзывания в омут отчаяния и унижения; оно отвергло соблазн забыться с помощью бутылки и сплотилось вокруг призывного клича: «Был ли ты в Вундед-Ни?»

После Вундед-Ни в Соединенных Штатах прокатилась волна загадочных выстрелов и мстительных полицейских акций. Фрагмент за фрагментом, по мере того как в печать просачиваются документы из докладов комиссии Рокфеллера по расследованию деятельности ЦРУ и сенатского комитета Черча, который изучает внутриамериканский шпионаж, осуществляемый ФБР, вырисовывается картина наступления в общегосударственном масштабе на «Движение американских индейцев». Оно сопровождается той же слепой паникой и паранойей, с которыми органы безопасности набросились в 60-х годах на «Черных пантер». Под кодовыми названиями «Операция Хаос» и «Садовый заговор» развернута война, призванная расчленить, расстроить и дискредитировать ЭЙМ. Для этого пущены в ход хитроумные манипуляции в прессе и армии понаторевших в своем деле провокаторов, сеющих семена недоверия и разногласий. Идет война с помощью слухов и осведомителей...

Летом 1975 года во время одного судебного разбирательства по неосторожности организаторов процесса была сдернута маска с главного осведомителя ФБР о делах американского ЭЙМ, некоего Дугласа Дурхама, речистого и вездесущего агента, бывшего морского пехотинца, который перекрасился в брюнета, вставил в глаза карие контактные линзы и, выдав себя за фотографа подпольной газеты из Айовы, внедрился в организацию во время событий в Вундед-Ни столь ловко, что на про-

Демонстрация скорби и протеста в канадском городе Калгари в память о молодом индейце Нельсоне Легкие Ноги, который пожертвовал жизнью, чтобы привлечь внимание общественности к бедствиям своего народа.

Фото из журнала «Маклинз» (Канада)

тяжении почти двух лет возглавлял службу безопасности американского ЭЙМ и ходил в личных друзьях и постоянных спутниках лидера ЭЙМ в США Денниса Бэнкса.

Нечаянное разоблачение Дурхама ФБР тоже обернуло себе на пользу. Через две недели после осады в Морли в прессу был передан шестимесячной давности доклад сенатского подкомитета, содержащий заявление Дурхама. Он утверждает, что через американо-канадскую границу тайно перевозятся оружие и люди, скрывающиеся от полиции, что в парке Анисинейб (провинция Онтарио) и где-то в Северо-Западных Территориях есть тайники с оружием и бомбами и что «Движение американских индейцев» в Канаде имеет прямые связи с коммунистической партией. Все это газеты старательно перепечатали, хотя по неоднократно публиковавшимся документам всем уже известна излюбленная тактика ФБР: когда надо разгромить какую-нибудь радикальную группу, общественность предварительно стращают связями ее членов как с контрабандой оружия, так и с «ужасным» миром коммунизма.

Словно моль, увиваются вокруг канадской ЭЙМ подозрительные персонажи, и все они американцы. «Мы знаем, что среди нас есть осведомители, — говорит мне Девалон Легкие Ноги, — но не можем их изловить. Что ЦРУ не сидит сложа руки, нам тоже, конечно, известно».

Коротая бессонную ночь в Морли, я размышляю об этом, и меня больше занимает не вопрос «как?», а вопрос «почему?» — почему в делах канадских индейцев замешано ЦРУ?

Вертолет лениво кружит над крохотным бревенчатым поселением, наконец зависает над одной точкой и снижается, распугивая рябью зеркальный покой озера Ля Мартр, чтобы высадить судью Томаса Берджера и его спутников — «группу по изучению вопроса о газопроводе в долине Маккензи». В течение двух лет Томас Берджер летал в самые отдаленные рыболовецкие поселки и арктические заимки, чтобы самолично расспросить местных жителей о том, как они относятся к перспективе постройки газопровода в долине Маккензи, и затем представить свои соображения правительству. Завершая опрос населения на берегах Ля Мартра, Берджер слышит единодушное: «Нет». Старые охотники, женщины, даже дети, все просят: «Не надо трубы, пожалуйста». Деревня находится в трех тысячах миль от Морли — это на географической карте. От спертой же атмосферы униженности резервационного существования ее отделяют световые года. Здесь достоинство человека соизмеряется с сотнями миль, которые надо пробежать, преследуя оленя — мясо и одежду для всей семьи на зиму. Но есть и то, что соединяет эти два мира. Именно сюда и на соседнее озеро Рой привозил Дуглас Дурхам лидера американского ЭЙМ Денниса Бэнкса после эпопеи Вундед-Ни. Здесь, внутри племени догриб, разгорелась недавно острая борьба между двумя сыновьями этого племени за пост председателя индейского братства Северо-Западных Территорий. Их соперничество сопровождалось слухами о таинственных финансовых покровителях того и другого. И наконец, здесь один из молодых общинных лидеров, 27-летний Майк Нитсиза, подкрепляет свои возражения против постройки газопровода ссылкой на Нельсона Легкие Ноги: «Я знаю, почему он убил себя. Он хотел показать нам, что мы должны бороться за свои права, даже если для этого придется идти на смерть».

Фрагменты головоломки медленно сближаются. Один за другим они нанизываются на нить, вьющуюся в долине Маккензи, — трассу намечаемого газопровода. Борьба небольшого народа Северо-Западных Территорий, называющего себя динами, за признание своих земельных прав — сейчас главный вопрос в индейском движении Северной Америки. Индейцы требуют установления арендной платы и подтверждения своих прав на эти земли, а не денег в обмен за отказ от всяких земельных прав, как это случилось на строительстве гидростанции в заливе Джеймса. Дины, еще не загнанные в резервации и составляющие в этих местах большинство населения, пока располагают силой и возможностью отстаивать свои интересы — тем, что их южные братья уже утратили. «Это последний индейский бастион», — говорит Эд Горелая Дубинка.

Если правительство начнет строить газопровод, игнорируя требования индейцев, то, как следует из наблюдений комиссии Берджера, столкновение будет неизбежным. «Если ваша нация пойдет напролом с укладкой газопровода по нашей земле, — сказал судье Берджеру один из индейских лидеров нового поколения, 31-летний Фрэнк Телейс из Форта Доброй Надежды, — то так и знайте: мы любим свою землю достаточно сильно, чтобы взорвать газопровод. Ради того, чтобы мой ребенок, который еще не родился, мог вкусить свободу этой земли, я готов отдать жизнь».

Газопровод затрагивает не только будущее индейцев, но и канадский суверенитет. Из материалов комиссии Берджера следует, что главное назначение его — перекачивать энергетические ресурсы Севера не в восточные районы Канады, а на американский Средний Запад. Новый посол Вашингтона в Оттаве Томас Эндерс бо́льшую часть своего времени посвящает поездкам по стране, во время которых убеждает нас в необходимости делиться ресурсами. Целый ряд признаков указывает на то, что он прислан к нам именно для того, чтобы обеспечить прокладку газопровода. И если главная угроза проекту исходит от индейцев, то кто заинтересован в том, чтобы подавить их сопротивление, больше, нежели секретные службы нашего доброго южного соседа? Можно подогреть воинственность индейцев, чтобы создать повод для репрессий, а можно попытаться пресечь ее, разваливая движение изнутри. На примере Панамы мы видели, как далеко Соединенные Штаты готовы зайти, когда ставка достаточно высока. Можно ли найти более сильный мотив для их вмешательства в наши внутренние дела, чем жизненно важная для экономики США артерия, проходящая по нашей территории?[1] Этот вопрос не мешает задавать себе всякий раз, когда в прессу «просачивается» очередной доклад ФБР, запугивающий нас воинственностью северных индейцев, или раздувается кампания по опорочиванию индейского деятеля, живого или погибшего.

Над зданием оффиса в Морли восходит солнце. Индейцы сворачивают висевший в перевернутом виде канадский флаг и выходят на улицу, победно потрясая кулаками, — в знак того, что некоторые из их требований удовлетворены и 36-часовая осада прекращена.

Организация ЭЙМ еще раз показала свою способность прокладывать извилистую тропку между угрозой столкновения и реальным столкновением, умело маневрировать между силами, от которых зависит ее судьба. В конце концов, акция в Морли — всего лишь генеральная репетиция. Отъезжая от поселения, я по-прежнему ощущаю смутную тревогу.

Перевел с английского
С. ДАНИЛОВ

[1] *Подряда на прокладку газопровода добивается консорциум с участием семи нефтяных компаний США (стоимость проекта — 8,5 миллиарда долларов). — Ред.*

КАЛГАРИ, ПО ТЕЛЕФОНУ

Решив познакомить читателей «Ровесника» с очерком М. Макдональд (журнал «Маклинз» за октябрь прошлого года), мы, естественно, захотели узнать хоть немного больше о его главном герое — Нельсоне Легкие Ноги. С автором связаться не удалось, и тогда мы попробовали позвонить через Калгари в резервацию «Пиган», где жил Нельсон. И вот у телефона его отец, Нельсон Легкие Ноги-старший. Когда он узнает о причине нашего звонка, голос его напрягается как натянутая струна. Но он говорит медленно, подбирая слова поточнее, стараясь не повторяться. Чувствуется, что вождь племени «черноногих» — человек сильный, умеющий держать себя в руках, но до сих пор тяжело переживающий трагедию сына.

«Нельсон пожертвовал своей жизнью ради общего дела индейцев, — говорит Нельсон-старший. — Он восстал против того, что с нами обращаются как с неполноценными людьми. «Белое» общество считает, что оно вправе поучать индейца: делай то, делай это. Нас держат в резервациях, в грязи, в нищете, в темноте. Мой мальчик не мог переносить этого унижения и дальше. В его предсмертных письмах к брату, Девалону и Эду Горелой Дубинке есть такие слова: «Мы страдали сто лет. И будем страдать еще сто? Кто-то должен сделать первый шаг, чтобы помочь открыть нашим людям глаза на правду о нашей жизни. Я решил сделать этот шаг... Помните всегда о нашей правде, боритесь за нее». На моего сына сейчас клевещут со всех сторон, чего только не выдумывают. Говорят, что он пил, пристрастился к наркотикам, был психически неуравновешенным. Ложь. Он был совсем другим человеком, — эти слова Нельсон-старший произносит не повышая голоса. Устало, горько. — Нельсон никогда не брал в рот ни глотка спиртного, не говоря уже о наркотиках. В то воскресенье он был спокоен, очень спокоен. Заперся у себя в половине второго дня. Писал письма, готовился... А в половине четвертого мы услышали выстрел. Мгновение, тысячная доля секунды, и моего мальчика не стало... У меня осталось еще двое сыновей. Младшему пятнадцать, учится в школе. Сам я не получил образования, но решил во что бы то ни стало вывести в люди сыновей. Однажды у меня не хватило денег на оплату учебы Нельсона, и его отослали домой. Спустя некоторое время я наскреб необходимую сумму, мальчик вернулся в школу. Но он ее так и не закончил: его исключили, узнав, что он принял участие в одной индейской демонстрации в Калгари. Нельсон вернулся в резервацию и стал активистом ЭЙМ. Он говорил людям, что нельзя так дальше жить — в невежестве, в подчинении у системы, для которой главное — доллар, прибыль. Он напоминал, что у индейцев есть своя, старинная и интересная культура. Он был хорошим, честным человеком, мой мальчик... 16 мая 1977 года мы собираемся устроить день памяти о нем. Когда Нельсон погиб, я решил ровно год ничего не предпринимать, терпеливо наблюдать, изменится ли что-нибудь к лучшему в жизни индейцев. 16 мая я все скажу...»

ПОСЛЕ КАРНАВАЛА, В КЁЛЬНЕ

Е. БОВКУН,
корреспондент АПН — специально для «Ровесника»

В тот день, когда у нас, в кёльнском корпункте АПН, раздался звонок из редакции «Ровесника», этот большой старинный город самозабвенно веселился. На улицах, площадях, скверах царствовал праздник, праздник встречи весны, — гремела музыка, грохотали фейерверки, радостно гудели карнавальные толпы. За несколько дней этого праздника жители Кёльна выпивают двухмесячную норму пива, а полиция регистрирует наибольшее в году число автомобильных катастроф, несмотря на дополнительные посты для проверки водителей на алкоголь. В общем, горожане веселятся изо всех сил, отводят душу. Один мудрый пастор так и наставлял своих прихожан накануне праздника: «Разве во все остальные дни не написано на наших лицах отчаяние или равнодушие, усталость или страх? Пусть же хоть ненадолго карнавальная маска скроет ваше настоящее лицо и ваша душа отдохнет...»

Отгорел, отшумел праздник, кёльнцы вернулись на свои рабочие места. У кого они есть. А есть они далеко не у всех. Число безработных в Федеративной Республике Германии неизменно держится у миллионной черты, то переваливая через нее, то чуть опускаясь. Особую группу составляют те, кто был уволен из государственных учреждений по политическим мотивам, за свои прогрессивные убеждения. Быть в Федеративной Республике критиком существующих порядков — значит идти на риск попасть под действие законодательного акта, получившего прозвище Berufsverbot — «запрет на профессию». И бесполезно будет апеллировать к конституции, провозглашающей демократические свободы граждан ФРГ, к бесчисленным заявлениям официальной пропаганды о том, что в ФРГ свято блюдется и уважается свобода личных убеждений, к соответствующим положениям хельсинкского международно-правового документа — Заключительного акта, под которым стоит подпись главы боннского правительства. С «врагом конституции» разговор короткий...

Для характеристики общей атмосферы в стране позволю себе процитировать наблюдателя «со стороны», корреспондента французской газеты «Монд дипломатик» Даниэля Верне: «Чтобы изолировать левых, совсем не обязательно прибегать к крайностям в духе Штрауса и его друзей, которые спят и видят начать травлю «красных». Репрессии принимают не массовые и жестокие, а выборочные и скрытые формы. Проверки, расследования, административные или полицейские придирки касаются лишь меньшинства населения — крайне левого меньшинства. «Чрезвычайное законодательство» касается отдельных личностей или нескольких групп. Однако «закон об экстремистах», а также новый параграф о цензуре, введенный в начале 1976 года, порождают страх среди широкой массы населения, что приводит к «самоцензуре», к «самозапугиванию», к подавлению внутренней свободы».

Хоть праздник и закончился накануне, мои собеседницы явились в карнавальных нарядах. Их желание хоть чуточку затянуть расставание с несколькими днями душевного покоя, с «карнавальной маской», как сказал бы тот пастор, — оно так по-человечески понятно. Они из тех кёльнцев, которые не возвратились на свои рабочие места по той причине, что у них нет этих самых рабочих мест; Сюзанна Роде (28 лет, замужем, ждет ребенка) и Агнес Крист-Фиала (26 лет, замужем) — обе по профессии учительницы. Обе уволены за то, что состоят в легальной Германской коммунистической партии.

— Когда и как вы потеряли работу?

Сюзанна. Я без работы с октября 1974 года. Все складывалось так чудесно, я вела в шестых и седьмых классах народной школы математику и историю искусств. Я радовалась, что не ошиблась в выборе профессии, что работа с детьми доставляет мне настоящее удовольствие. Прошли положенные после университета полтора года работы в качестве практиканта. Я успешно сдала второй государственный экзамен, после которого окончательно зачисляют в штат, приступила было к работе и тут-то получаю от школьного начальства уведомление, изысканно-вежливое, разумеется, что, мол, «нам придется расстаться», «примите и прочее»...

Агнес. Мой «безработный стаж» скромнее. С августа прошлого года. Преподавала в гимназии в Бад-Годесберге русский язык и обществоведение. И тоже — не успела я сдать второй государственный экзамен на «отлично», как мне вручают официальную бумагу о том, что меня «не представляется возможным оставить в штате», поскольку возникли сомнения в моей «благонадежности» и поскольку я «не держалась на расстоянии» от деятельности таких организаций, как ГКП и марксистский студенческий союз «Спартак». Я успела ощутить, что школа — это мое призвание, работала с увлечением. И вот все рухнуло. Сейчас мне уже не верится, что когда-нибудь я смогу вернуться к преподаванию.

— Как восприняли увольнение ваши ученики?

Агнес. Им нравились мои уроки, особенно когда мы устраивали дискуссии. А начальство как раз дискуссий и побаивалось, считая, что я внушаю детям некие «политические доктрины», идущие вразрез с официальными инструкциями. Ребята добивались, чтобы меня оставили в гимназии. Собирали подписи, слали письма в министерство высшего образования. Увы, безрезультатно. Мои ученики — люди уже почти взрослые, от пятнадцати до восемнадцати лет. Думаю, случай со мной многим из них дал пищу для размышлений и показал, насколько реальное положение дел у нас отличается от той картины демократии и свободы, которая расписывается в учебниках и речах официальных лиц.

— Судя по данным печати, хотя в последнее время выступления против «запрета на профессию» в стране серьезно участились, число уволенных по политическим мотивам продолжает расти?..

Агнес. Это и есть наша «демократия» в действии. С одной стороны, нам вроде бы предоставлена свобода протестовать, а с другой — вся государственно-политическая система гнет свое. Например, в связи с моим увольнением в Бонне была

Бывают фотографии, которые не требуют комментариев, разве что лаконичного пояснения. К таким, без сомнения, относится снимок на предыдущей странице. Berufsverbot — написано на лоскуте материи, которым повязан рот молодой демонстрантки. «Запрет на профессию» — и уже ясно, о чем речь: о преследованиях в ФРГ за инакомыслие, за левые убеждения. Зато фотосюжет, который вы видите здесь, был и задуман в редакции сатирического западногерманского журнала «Пардон» ради комментария, причем такого, который в дополнительном комментарии, по нашему мнению, не нуждается, и потому мы попросту его воспроизводим.

Итак, «шапка»: «Осторожно: враги государства!» Подзаголовок: «О том, как бдительный гражданин, если он всегда начеку, может изобличить своего ближнего как врага государства. Практические примеры из повседневной жизни». Далее следует текст: «Защиту нашего государственного правопорядка нельзя взваливать только на плечи властей... Выслеживание неблагонадежных должно стать долгом каждого сознательного гражданина. Но, чтобы распознать врага, одной доброй воли мало. Наш гражданин должен быть вооружен методикой, которая позволит ему посредством бдительного наблюдения и выискивания подозрительных фактов срывать маски даже с затаившихся врагов».

Вот эта методика.

Совершенно безобидная на первый взгляд сценка: несколько пешеходов пересекают улицу. Однако тренированному взгляду двух бдительных мужчин в цент-

также организована гражданская кампания; письма и петиции в мою поддержку поступают до сих пор. Официальные инстанции получили от различных организаций, моих коллег и знакомых, учеников и их родителей сотни посланий с требованием восстановить меня на работе. Состоялось множество демонстраций. Но пока что это ни к чему не привело. Я сижу без работы. Однако я вовсе не хочу сказать, что борьба бесполезна. Есть уже случаи, когда под давлением общественности люди были восстановлены на работе.

Сюзанна. Но все же куда больше преподавателей, которые годами ходят без работы. Я сама знакома с такими людьми. Можно сказать, каждая экзаменационная сессия для практикантов-учителей означает отсев «политически неблагонадежных».

— Статистика показывает, что «запрет на профессию» чаще всего применяется к учителям...

Сюзанна. Случаи, когда «закон о радикалах» бьет по людям других профессий, тоже нередки. Например, «дело» Фолькера Гётца из Дюссельдорфа, который не был допущен на должность судьи. Во Франкфурте-на-Майне «запрет на профессию» применили к почтальону, а в Вюрцбурге, в Баварии, к машинисту тепловоза...

Агнес. Но основную массу уволенных составляют все-таки учителя... И это не случайно: ведь педагог влияет на формирование мировоззрения учащихся. Пять лет назад, когда премьер-министры земель придумали свой закон, который препятствует принятию на государственную службу лиц, «придерживающихся радикальных взглядов», они имели в виду именно это обстоятельство. Но аппетит приходит во время еды. Сегодня «запрет» может получить человек любой профессии — от кладбищенского сторожа до подметальщика улиц. По официальным данным, за эти пять лет специальные комиссии произвели более 850 тысяч анкетных «проверок на благонадежность», а чиновники ведомства по охране конституции учинили 10 тысяч допросов. 3 тысячи человек были признаны «неблагонадежными» и потеряли работу.

— И каков же механизм этих «проверок»?

Сюзанна. Прежде чем принять новичка на работу, администрация обращается в ведомство по охране конституции, где ведется картотека на «неблагонадежных». Таковыми считаются в первую очередь те, кто участвовал в демонстрациях и других мероприятиях демократических сил, прежде всего ГКП и марксистского студенческого союза «Спартак». Заподозренный в «неблагонадежности» приглашается на «собеседование», а точнее — на допрос в специальную комиссию. Быстрее всего отрицательное решение выносится в том случае, если в «деле» фигурируют три запретных буквы — «Г», «К», «П».

— Иными словами, благонадежность учителя проверяется прежде, чем его допускают к преподаванию...

Агнес. Совсем не обязательно. Подозрение в «антиконституционных» помыслах может пасть и на давно работающего преподавателя. И вот уже как бы случайно на его уроках чаще, чем нужно, присутствует старший инспектор. Администрация начинает сначала осторожно, а потом все более открыто следить за тем, какими учебниками пользуется преподаватель, какие домашние задания дает своим ученикам, какие темы обсуждаются в классе. В конце концов, как правило, выносится приговор: «Ваши левые взгляды несовместимы с дальнейшим пребыванием в данном учебном заведении». Но все же больше таких, как мы, которых увольняют после второго государственного экзамена. Выявление «неблагонадежных» начинается еще во время учебы. Когда меня допрашивали в комиссии, по некоторым вопросам я поняла, что и в университете за мной попросту шпионили. Допрашивавшие знали не только о том, какие «запретные» мероприятия я посещала, но и называли точные даты и время. Ну, например, мне напомнили, в котором часу я покинула одно собрание евангелической молодежи. Я была подавлена этим открытием. Честно говоря, оно потрясло меня больше, чем сам допрос, исход которого был мне ясен заранее.

ре фото (авторов этой фотосатиры Н. Юнгвирта и Г. Кромшрёдера. — Ред.) открывается масса подозрительных деталей...

1. Женщина не таясь держит газету. Ясно, что она хочет быть информированной, а следовательно, иметь собственное мнение по всем аспектам жизни нашего государства. О том, куда заводит эта опасная страсть, можно судить по бесчисленным случаям из практики.

2. Все идут не разговаривая, а эти две женщины беседуют как ни в чем не бывало. Это опасная предрасположенность к созданию подрывных кружков, ее надо распознавать в самом зачатке и настойчиво искоренять.

3. У этой дамы в одном цвете выдержаны не только головной убор, перчатки, пальто и туфли, но и сумка! Радикально одностороннее пристрастие к одному цвету доказывает, что она пренебрегает плюрализмом, то есть имеет явно радикальное мировоззрение.

4. Не говоря уже о том, что этот мужчина скрыто сжимает кулак в кармане пальто, он чересчур широко шагает — не иначе увлечен какой-то утопией, да это и по глазам видно...

— Можно ли сравнить положение уволенного по политическим мотивам с положением «просто» безработного?

Сюзанна. Сравнение окажется не в пользу первого. Мы не получаем от государства ни пфеннига. Лишь в исключительных случаях, когда человек не имеет ни одного близкого родственника, ему назначают мизерное «социальное пособие». К тому же шансы вновь найти работу по специальности для нас практически равны нулю. Поступление в государственную школу исключается абсолютно. Что же касается немногих частных школ, то и они теперь строго соблюдают инструкции, обязательные для других общественных учреждений. Учителей, на которых поставили клеймо «враг конституции», на работу не берут нигде. Можно годами ходить на биржу труда, но так и не получить места. Я знаю в Бонне одну семью: безработный муж-педагог, жена-студентка, семилетний сын. Глава семьи очень долго пытался получить должность преподавателя. Увы, сейчас он работает таксистом. Чаще всего попавшие под «запрет» соглашаются на любую работу, а ее сейчас вообще найти нелегко. Да надо еще осваивать новую профессию, переучиваться. На это уходят годы.

— Я читал об одном инженере-машиностроителе, который потерял работу из-за того, что он коммунист. С октября прошлого года он работает в гамбургском порту грузчиком. По его словам, среди грузчиков того же причала есть еще архитектор и учитель. Их постигла аналогичная участь.

Агнес. Мы знаем из газет и сами видим, что стране остро не хватает учителей. Классы переполнены. А в это время безработные педагоги идут в грузчики... Противоречие? Смотря с чьей точки зрения. В министерстве образования считают, например, что учителей «слишком много». Что же касается безработных, то о них официальные лица стараются не говорить: в доме больного не говорят о покойниках.

— Что происходит, когда уволенный обращается в суд?

Сюзанна. Начинается волокита. Мое дело принято к производству в ноябре прошлого года, то есть спустя два года после увольнения. Теперь его будут рассматривать неизвестно сколько времени. И до тех пор, пока суд не примет иного решения, «запрет на профессию» в отношении меня считается правомерным и остается в силе. Суд придерживается тактики проволочек в большинстве случаев. Наверное, расчет тут простой: не выдержит человек и уйдет в таксисты или грузчики... И дело закроется само собой. К тому же судьи и ведомство по охране конституции крайне редко расходятся во мнениях, когда речь заходит о «запретах на профессию». Это и неудивительно, ведь как часто бывает, что приговоры молодым антифашистам выносят бывшие нацисты.

Агнес. Но даже положительное решение суда мало что меняет. Вот пример учительницы Сильвии Гингольд из Гессена. Под влиянием протестов общественности суд признал ее увольнение противозаконным и обязал школьную администрацию вновь принять на работу. Сильвию приняли — на две трети ставки — и стараются создать ей невыносимые условия. Ее травят правые организации и буржуазная пресса, она без конца получает письма с угрозами, домовладельцы отказываются сдавать ей квартиру...

— Как вы представляете себе свое будущее?

Сюзанна. Практика «запрета на профессию» не может существовать вечно. Но отмена этого закона будет, конечно, зависеть от политического развития в ФРГ, от активности демократических сил ФРГ. Я все же надеюсь когда-нибудь получить работу по специальности, хотя и понимаю, что мне придется нелегко после стольких лет вынужденного «отдыха». По сути дела, все придется начинать сначала. Но все-таки мне очень хочется снова попасть в школу.

Агнес. Вернуться в школу — это и моя мечта. К сожалению, в ближайшем будущем я не смею строить таких планов.

Кёльн, март

ДОМ НА МИННОМ ПОЛЕ

Фелиция ЛАНГЕР,
адвокат, член ЦК
Коммунистической партии Израиля

В феврале этого года в Женеве Комиссия ООН по правам человека на своей очередной сессии осудила Израиль за творимые им беззакония на оккупированных арабских землях, квалифицировав их как «военные преступления и оскорбление человечества». В числе очевидцев, заслушанных Комиссией ООН, была и Фелиция Лангер, известный израильский адвокат. Она привела из своей юридической практики многочисленные факты вопиющих беззаконий, террора, пыток, творимых израильской военщиной на захваченных арабских землях.

Фелиция Лангер родилась в семье известного юриста в довоенной Польше и ребенком пережила ужас нацистской оккупации. После войны она оказалась в Израиле. Работала подсобным рабочим на фабрике. В 1951 году Фелиция вместе с мужем вступила в Коммунистическую партию Израиля. В 1959 году Фелиция Лангер решает учиться на юриста.

— В начальный период моей адвокатской деятельности, — говорит Фелиция Лангер, — я особенно много занималась делами евреев-переселенцев из Северной Африки и стран Востока, которые находились в противоположность «другому Израилю» в положении бедственном и бесправном. Я защищала тех, кто подвергался дискриминации.

Слушание этих дел приводило Фелицию Лангер к мысли разобраться в социальных и политических причинах преступлений, в пороках буржуазного строя. Тогда же она начала выступать в защиту жертв милитаристского режима среди арабского населения в Израиле.

Вот несколько примеров «дел» адвоката Фелиции Лангер:

Мать бросили в карцер за то, что она не донесла на своего сына. Отца замучили «за связь с врагом»: он прятал у себя в доме собственного сына. Сын под арестом, но до сих пор неизвестно, совершил ли он какое-либо «враждебное деяние».

Фатима Дхерада, мать десятимесячного ребенка и беременная на седьмом месяце, предстала перед трибуналом за то, что не выдала своего мужа. Муж Фатимы арестован, его должны судить за принадлежность к «вражеской организации». Чтобы вырвать признание, ее били; мужа пытали у нее на глазах. Из страха потерять еще не родившегося ребенка, она дала показания, которые от нее требовали истязатели. Теперь эти показания используются против ее мужа. Их дом взорвали сразу же после их ареста, еще до начала расследования.

Недавно Тавфик Абдель Заллах из Махдэль-Шама был осужден за то, что одну ночь прятал навестившего его сына, беженца, живущего в Сирии.

...Во время разбора одного из «дел» судья спросил Фелицию Лангер, почему она принимает так близко к сердцу судьбы своих подзащитных. Ее ответ звучал так: «Как можно не принимать близко к сердцу трагедию невинных людей, изгоняемых из их собственной страны?»

Судя по сообщениям печати, в последнее время против патриотки и коммунистки Фелиции Лангер развернута травля; ее, известного адвоката, пытаются лишить права выступать в судах в защиту тех молодых израильтян, которые отказываются нести карательную службу на захваченных арабских территориях.

После июньской войны 1967 года Израиль превратился в маленькую империю: под его господство попал еще один миллион арабов. С самого начала арабы не смирились с оккупацией, и Израиль, стараясь удержать свою власть над захваченными землями, прибегает к любым репрессивным мерам, за исключением крайней — смертной казни.

Как адвокат, практикующий одиннадцать лет (из них девять с половиной я защищаю палестинцев, дела которых рассматриваются в военных судах), я пришла к заключению, что во время допросов у нас применяются пытки. Причем эти пытки не исключительное явление, не просто результат вспышки ярости или ретивости у какого-нибудь следователя с садистскими наклонностями. Перед моими глазами прошли сотни людей со следами пыток на теле. По моему мнению, целью такого обращения было не только добыть информацию, что хоть смахивало бы на какое-то оправдание, но сломить человека, запугать его, чтобы отбить у других охоту к сопротивлению оккупации.

У жителей захваченных территорий нет никаких политических прав, никакой возможности сопротивляться оккупации политическим путем. Им запрещено иметь партии. Незаконными считаются любые их объединения, будь то даже благотворительные организации или студенческие союзы, рассчитанные на оказание взаимной помощи. Незаконно любое собрание. Приведу недавний пример. Муниципалитет Наблуса хотел было провести открытое заседание — такие заседания когда-то устраивались для того, чтобы избиратели могли увидеть, чем занимается их муниципалитет, и высказать свои критические замечания. Но военные власти запретили это мероприятие, хотя оно не имело никакой политической подоплеки, заявив, что без разрешения губернатора оно незаконно, а тот своего согласия не дает. У населения оккупированных районов нет ни малейшей возможности высказать свое мнение или возражение в законном порядке. Кто осмеливается говорить, тут же подвергается репрессиям.

Арабы за такие «политические» преступления, как вывешивание палестинского флага, чтение коммунистической газеты или принадлежность к политической организации, на территории Израиля караются сравнительно более жестоко, чем за правонарушения с применением силы. Военные суды наиболее круто обходятся с теми, кто высказывает политические взгляды, особенно со сторонниками мира. Много людей заключено в тюрьмы в административном порядке. Боль-

---

Интервью газете «Дейли уорлд» (США) за 23 октября 1976 года.

шинство их — коммунисты. Они подвергаются страшным пыткам только за то, что они любят свою родину и отстаивают идеалы взаимопонимания и сосуществования, право палестинского народа на независимость и собственную государственность.

Мои подзащитные рассказывали мне, как их жестоко избивали, если они говорили тюремщикам: «Мы хотим мира. Мы не питаем ненависти к евреям. Мы хотим жить с вами вместе, но не как оккупированные. Мы хотим получить свои права, но вовсе не за счет ваших. Мы протягиваем вам руку». Тех, кто произносил такие слова, тюремщики били беспощадно.

Это только доказывает, что правящие круги Израиля боятся перспективы мира и взаимопонимания. Вся их политика опирается на империализм США, на гонку вооружений и на войны — непрерывные войны. Все их концепции — это концепции войн, а главная ценность — ценность меча, как было в Спарте. Они создают новую Спарту на Ближнем Востоке. Войны, по их утверждению, это катаклизмы, которые невозможно предотвратить. Сколько же наших сыновей должно умереть в этих войнах? Каждый, кто сейчас в Израиле ждет появления ребенка, может считать, что производит на свет детей ради будущей гибели в новых войнах — технически более сложных, более жестоких, более коварных. Не таких, как октябрьская [1973 года], а подготовленных гораздо более тщательно.

Непрерывное состояние войны... Мы все время слышим о войнах Израиля и жертвах этих войн. В канун Дня независимости мы оплакиваем наши жертвы. Сначала это были жертвы войны 1948 года, потом 56-го, потом 67-го; потом была война на истощение 1973 года; а сейчас мы стоим перед новой войной, которая, как нам внушают, неизбежна. Она, говорят нам, лишь дело времени, и нам надо быть к ней готовыми.

Другой путь угнетения — конфискация земель в самом широком масштабе и изгнание с родины. Изгоняют в первую очередь авторитетных людей, чтобы лишить население руководства, деморализовать его. Сносят дома, десятки тысяч домов. Можете себе представить, какая это трагедия. Дом разрушают по административному распоряжению, ссылаясь на законы о «чрезвычайном положении» от 1945 года. Отдавая такое распоряжение, вы не обязаны, я имею в виду — власти не обязаны доказывать, что кто-то из живущих в нем совершил преступление. Достаточно, чтобы всего один член семьи, это может быть и дальний родственник, был заподозрен в подрывной, как они называют, деятельности против израильских властей. Я вела дело одного человека в полосе Газы, чей дом был снесен по указанию властей. Основанием послужило то, что его сын находился тогда под арестом. Впоследствии военный суд оправдал его, однако многодетная семья, оказавшаяся без крова, так и не получила никакой компенсации. Примеров такого рода не перечесть, так что уничтожение домов превратилось в некую коллективную кару.

Женевская конвенция [1949 года] запрещает уничтожать имущество, изгонять коренных жителей и строить новые — в данном случае израильские — поселения на оккупированных территориях. Но что происходит сейчас? Строительство новых поселений на захваченных землях не прекращается ни на один день. Их число, думаю, достигает семидесяти. В одном Рафахе, возле полосы Газы, изгнаны с насиженных мест тысячи семей и возникли новые израильские поселения. Израильские власти по сю пору безбоязненно попирают Женевские конвенции потому, что получают экономическую и политическую поддержку от американского империализма, а также от американского общественного мнения, находящегося под влиянием средств массовой информации. Они получают поддержку от американских евреев. Но я уверена, если бы последние осознали, что предоставляемые ими деньги уходят на то, чтобы загубить еще в одной войне жизни тысяч еврейских сыновей, они бы заколебались. Они либо не знают правды, либо сознательно закрывают глаза на нее. Новые поселения, о которых я говорила, расширяют пропасть между арабами и израильтянами, создают угрозу самому существованию государства Израиль.

Мы, евреи, которые перенесли столько страданий — а я говорю как женщина, чей муж прошел через пять нацистских лагерей, — мы знаем, что строить будущее нации на руинах другой нации — это все равно что строить дом на минном поле. Я патриотка своей страны. Мне больше негде жить, и потому я глубоко волнуюсь за будущее моей страны, которому, по моему мнению — и по мнению многих других израильтян, придерживающихся прогрессивных взглядов, — угрожает политика правящих кругов. Последняя волна забастовок и демонстраций на западном берегу [реки Иордан] свидетельствует о возможности общенационального восстания. В них втянулись широкие массы населения. Израильские войска стреляют по демонстрантам, убивают людей, убивают юношей и девушек, и, однако, ни один из участников не колеблется, когда настает время очередного выступления, и снова выходит на улицу. Это значит, что дух сопротивления оккупации очень высок. Арабы на оккупированных территориях, несмотря на все угнетение в течение всех лет оккупации, готовы бороться до своего полного освобождения.

Два месяца назад состоялся провокационный марш в Джерико вдоль западного берега [Иордана]. Несмотря на протесты прогрессивных сил, военные власти разрешили членам «Гуш эмуним» («Блок верующих», фашиствующая организация. — **Ред.**) пройти по арабским кварталам.

Жители Джерико устроили сидячую забастовку, один из ее участников, человек, которого мне довелось защищать в военном суде в Рамаллахе, сказал мне: «Это наш город, и мы хотим только мирным путем выразить свой протест, заявить, что мы не хотим, чтобы люди «Гуш эмуним» маршировали по нашим улицам, вмешивались в нашу жизнь и строили здесь для себя поселения». За это «преступление» участников сидячей забастовки арестовали, судили и приговорили к штрафам в тысячи фунтов.

Новые поселенцы устанавливают политику постоянного террора. Например, несколько месяцев назад, в марте, израильские поселенцы Хеброна натравили собак на демонстрантов, требовавших свободы передвижения до Иерусалима, чтобы иметь возможность помолиться в мечети Омара. В том же Хеброне они подвергли пыткам двух арабских юношей, — факт, который попал в печать и теперь широко известен. Они стреляют в демонстрантов, избивают на улицах людей. Даже некоммунистические израильские газеты, например «Хаолам Хацех», сравнивают их поведение с действиями нацистов на территории Европы во время войны.

Правители Израиля рисуют свою страну неким заповедником демократии на Ближнем Востоке. На этих снимках — чисто израильское решение только одной проблемы, жилищной: арабов на оккупированных территориях выгоняют под открытое небо, их дома сносят, а на их землях строят кибуцы, обнесенные колючей проволокой.

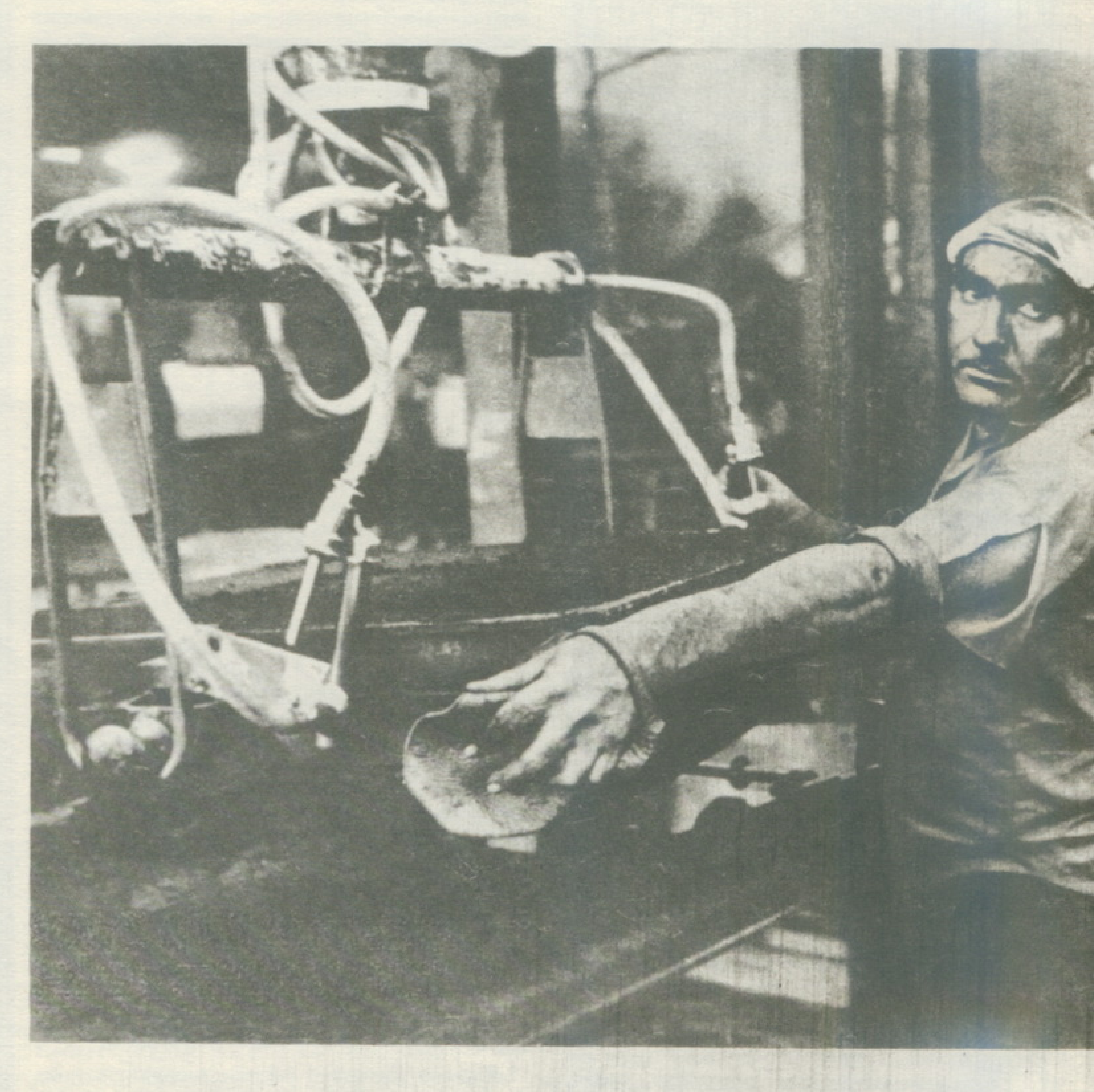
Фото из журнала «Жён Африк».

ДВЕНАДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ РАЗГНЕВАННЫХ

И. ГОРЕЛОВ

Страна эмигрантов обширна: она протянулась от Западного Берлина до Лондона, от Марселя до Амстердама. Как видно, эта обширная площадь не из самых бедных на нашей земле, скорее наоборот, но 12 миллионов мужчин, населяющих ее, бедны и бесправны. Они принадлежат к разным расам и национальностям, они приехали с юга Европы и Азии, из Африки и Центральной Америки, они говорят на разных языках, но говорят чаще всего об одном: о том, как долго еще жить на чужбине, о своих обидах, рожденных постоянным унижением. О них мало кто заботится, и страны, которые они невольно представляют, никак не защищают их. Зато о них довольно много пишут: согласитесь, 12 миллионов драм и трагедий не могут не привлекать внимания прессы. При каждом новом случае, связанном с убийством, преступлением или массовыми увольнениями, журналисты спешат привести новые факты о положении иностранных рабочих, зачастую предоставляя им самим слово. Некоторые из этих свидетельств мы собрали на этих страницах. Пусть сами эмигранты расскажут об условиях жизни и труда, о свободах и правах, которые просвещенная буржуазная Европа предоставила 12 миллионам человек.

Но сначала несколько историй о том, как становятся эмигрантами.

Мустафа Кунар рассказывает о своей жизни, как будто читает Коран. Жена и дочь, сидя в углу, слушают молча; сына дома нет — ушел на урок карате.

«Мы из Анатолии, с гор. В Турции у меня осталось еще двое детей. Сначала сюда, в Западный Берлин, приехал мой старший брат, потом я. Брат был столяром, он и в Турции неплохо работал. А я, кроме крестьянского труда, ничего не умел. Когда приехал в Западный Берлин, брат мне сказал: «Главное — не бойся. Делай вид, будто все понимаешь, что тебе говорят, и не открывай рта. Будешь работать вместе со мной; мы там, на фабрике, какие-то деревянные заготовки для строительства делаем. Хозяин — не зверь...» Семь лет уже прошло, а я так и не знаю, куда идут наши деревяшки. Но я же ни у кого ничего не спрашиваю. Не мое это, в конце концов, дело. И потом, как я спрошу-то? Они ведь по-своему говорят. Мог бы, конечно, у брата спросить, но и он, по-моему, не очень-то знает...

Брат говорил мне: хаммер, нагель, занген, заге. Я говорил: молоток, гвозди, клещи, пила. Потом он говорил: шраубен, лайм, винкель. А я говорил: шурупы, клей, угольник. Так терпением я и научился работать...

Где я себя плохо чувствую, так это на улице. Возьмем хотя бы еду. От одного запаха сосисок меня всего выворачивает. Все семь лет я только дома ел. Утром выпиваю кофе, а вечером после работы отъедаюсь за весь день... Денег по нынешним временам не хватает. Что-то отсылаю домой, остальное — на жизнь. Скопить мало чего удается. Но я отсюда не уеду, пока не накоплю на автопогрузчик. По-моему, это самая замечательная в мире машина. Вот куплю автопогрузчик — и домой. Не знаю еще, что я им буду делать, но без автопогрузчика не уеду».

Сто тысяч турок — в основном бывших крестьян — живут в особом гетто, которое в Западном Берлине зовут «клайне Истамбул». Из 100 тысяч лишь 12 ходят в гимназию. Лишь у 12 из 100 тысяч есть надежда стать членами индустриального общества, найти в нем более достойную жизнь и работу. Пока 100 тысяч выполняют лишь то, чего не хотят делать сами хозяева страны и дети хозяев.

Марокканец Абду, как и половина более чем 100 тысяч марокканцев в Голландии, живет подпольно. Он пробрался сюда нелегально и живет без официального разрешения. Абду рискует попасть в тюрьму.

«Крупные голландские фирмы присылают в Марокко специальных вербовщиков дешевой рабочей силы. Но бывает, что мы попадаем сюда и другим путем. Как это и произошло со мной. В шесть лет я работал в Касабланке учеником механика. У меня было столько братьев и сестер, что я сейчас и не всех вспомню. В девятнадцать я попытался завербоваться в одну голландскую фирму, но дело тогда не выгорело. Пришлось добираться подпольной дорогой в Марсель, через всю Францию в Бельгию, а потом сюда. Чем здесь занимался? Да всем понемногу: батрачил у фермера, был разнорабочим, грузчиком на рынке».

Чернокожие лондонцы живут в основном в районе Брикстон, мрачном квартале в южной части столицы. По большей части все они — выходцы с острова Ямайка и других бывших британских колоний. Все говорят по-английски, и в отличие от других эмигрантов у этих языковых трудностей нет: они говорят на том же языке, что и хозяева. Многие, отправляясь в путь, подумывали даже о натурализации.

«И представить себе, что, когда мы только приехали сюда, все мечтали стать образцовыми гражданами, — так говорит ямайканец **Эд Сайлс** и устало проводит огромной ручищей по лицу. Эд Сайлс в Лондоне с 1952 года. — Мы были англизированы на все сто процентов и свято верили в то, что здесь нас ждет настоящая демократия. Мы жаждали платить аккуратно налоги, купить дом и все такое прочее. В какие только долги мы не влезали из-за дома, и что же мы имеем? Квартиру в гетто, а это значит, что ее даже по дешевке не продашь! Мы воспитывались в честности и ей же хотели научить своих детей. Но дети посылают нас

к черту. Честность не ходовой товар, она здесь ни к чему. Дети хотят денег — много и быстро... На родине мы привыкли жить большими семьями, на патриархальный манер. Но в Лондоне так не проживешь. Наши семьи разваливаются... Каждый из нас мечтает вернуться домой и купить клочок земли. Но те, кому это удается, обнаруживают, что и там, дома, мы никому больше не нужны... Единственная отдушина в нашей жизни — рождественский отпуск. Мы кидаемся в аэропорт и набиваемся, как сардины в банке, в специальный самолет. Десять дней сказки, десять дней без этой вечной нищеты, и потом снова самолет — прощай, Ямайка. Здесь хотя бы работа есть».

В Швейцарии работает около полумиллиона итальянцев. Сто тысяч из них, проработавшие десять лет, имеют вид на жительство, иными словами, имеют право менять город пребывания, место работы, могут выписать семью. Триста тысяч работают по годовому контракту и могут вызвать семью после восемнадцати месяцев непрерывной работы. Свыше ста тысяч так называемые временные рабочие. Эти уже ни на что не имеют права. Они платят налоги, но никакими общественными благами не пользуются, государственные структуры их не учитывают, поскольку их как бы и вовсе нет. Временные не организуются для защиты своих интересов, не протестуют и не бастуют — в противном случае их контракт не будет продлен. Временные — это жизнь в тесных бараках, вдали от близких; это полная социальная дискриминация. За право на временный контракт эмигрант платит частыми несчастными случаями на работе, желудочными болезнями, алкоголизмом, разрушением психики. Каждый четвертый день в Швейцарии умирает итальянец.

Бруно Сакко из Авеллино, работает в швейцарской строительной фирме «Лохер»: «Я один из временных. Мне стыдно даже говорить о том, как мы живем. Ютимся в бараке по 12 человек, и каждый платит по 75 франков. Всего хозяин получает с нас 900 франков в месяц, а удобств в бараке никаких. Но выхода-то у нас нет! Пробовали снять комнаты; оказывается, у временных нет такого права. Кто вообще о нас заботится? Итальянское правительство даже не знает о нашем существовании. А нас тысячи и тысячи, и занимаемся мы самой тяжелой работой. Иногда хочется все здесь разнести, но потом успокаиваешь себя — вспомнишь о семье, и руки сами опускаются.

У нас тут был новичок — Альфредо Дзардани, приехал из Кортина-д'Ампеццо, столяр. Он проработал шесть дней. Вечером шестого дня его убили в цюрихском баре «Фрау Штирнима». «Ангелы ада» или кто там были эти чистенькие бандиты, не знаю, били его ногами, кричали «Итальянская свинья!», «Швейцария для швейцарцев!», а потом выкинули на улицу. Он там сорок минут пролежал, пока на него не наткнулся полицейский. Было уже поздно, умер... Да разве это первый случай... Мы им нужны как рабочая сила, и баста! За людей они нас не считают».

Два лица, две пары глаз немало могут рассказать о том, как работает и живет в Европе народ по имени эмигранты. Фото из журналов «Обсервер» (Англия) и «Эпока» (Италия).

Идут, мчатся поезда надежды. В них нет мягких вагонов, а пассажиры, как на подбор, возбуждены, говорливы, попахивают хлебом, дешевой колбасой и крепким табаком. Дешевые фибровые чемоданы, кажется, лопнут, и лишь крепкий шпагат не дает им развалиться. Чаще всего никто из них не знает языка страны, в которую они едут, и каждому предстоит попасть не в одну забавную — на сторонний взгляд — историю, прежде чем он научится чужим законам... Так движется к своей цели великая индустрия бедных, которых многие сытые и брезгливые буржуа называют оборванцами. Так едут люди тяжелого и терпеливого труда, решившие своими мускулами и умом устроить более достойную жизнь себе и своим детям, а «заодно» двинуть еще дальше экономику той чужой страны, куда они едут, и той родной страны, которая не нашла для них работы. (Только итальянские эмигранты в ФРГ за один 1972 год переслали на родину по меньшей мере 250 миллиардов лир в иностранной валюте. Мало какая отрасль промышленности сравнится по этому показателю с торговлей рабочими руками.)

Итак, поезда надежды прибывают в пункт назначения. Какими же правами обладают иностранные рабочие или, как говорят в ФРГ, «гости-рабочие»? Теоретически, казалось бы, аналогичными тем, что у местных, — ведь и в первом и втором случае отношения рабочих с администрацией определяются (если не брать в расчет подпольных эмигрантов) договорами. На практике дело обстоит (и это мы уже видели) противоположным образом. Предприниматели пользуются тем обстоятельством, что в эмигранты от хорошей жизни не попадают: в большинстве своем все эти люди отчаялись вообще найти работу дома или же имели работу с нищенской оплатой. Человек, проехавший сотни километров, или уже в долгу перед фирмой (если она кредитовала его проезд), или должен заработать на обратный билет; он бездомен и лишен права свободно передвигаться по стране; наконец, он срочно должен зарабатывать на пропитание — короче, это человек без права выбора. Как следствие, ему предлагают наименее квалифицированную и наименее оплачиваемую работу.

Кармело Музолино, 29 лет, итальянец на заводе автоконцерна «Фольксваген», ФРГ: «На «Фольксвагене» нас, итальянцев, всех приковали к конвейеру. Даже первоклассных механиков и станочников. Как бы мы здесь ни старались, лучшие места все отдают местным».

Существуют и другие «соображения», мешающие профессиональному росту иностранных рабочих.

Эдна Льюис, ямайканка, 25 лет: «Я работаю медсестрой в лондонской больнице. Место я получила после бесконечных экзаменов и проверок, которые ни одной белой не приходится проходить. Проработав год, я попросила увеличить мне жалованье. Директор мне сказал, что об этом и речи быть

не может. Сначала я должна перейти в другую категорию. Хорошо; я стала готовиться и вскоре подала заявление на сдачу экзаменов на должность старшей медсестры. Я была уверена, что сдам, да и документы у меня в порядке. После экзамена меня вызывают и говорят: «Мы бы и сами хотели вас повысить, но не можем. Вы представьте себе, какой же это белый согласится работать под началом черной медсестры?»

Но если эмигранта последним берут на работу, то его всегда первым увольняют. Особенно беспощадными были увольнения, начавшиеся в связи с наступлением энергетического кризиса.

Дзийя Косаогуллари, турок, сварщик: «Я работаю в Западном Берлине на небольшой фабрике. Год назад нас было триста пятьдесят. Сейчас осталось полсотни, из турок уцелел я один. Всех других выбросили. Говорят, сначала работа для немцев, потом, если что останется, дадим вам...»

Анджело Папароцци, 26 лет, итальянец: «Фольксваген» построил новый завод в Зальцгиттере для производства новой, более дорогой модели К-70. Но модель не пошла, завод решили законсервировать. Для двух тысяч итальянцев, специально приехавших туда работать, это было катастрофой. Все оказались на улице...»

В 1972 году «Фольксваген», как и другие автомобильные фирмы, поразил кризис. Известная во всем мире под названием «Жук», неизменная в своей форме уже несколько десятилетий модель неожиданно для хозяев фирмы стала затовариваться. Если раньше говорили, что у «фольксвагена» нет огней заднего хода, потому что он всегда мчится вперед, то теперь стали сомневаться, нужны ли ему передние огни: «фольксваген» катился назад. В Вольфсбурге, штаб-квартире фирмы, спешно раздавали выходные пособия. Из девяти тысяч итальянцев «по своему желанию» уезжало на родину почти пять тысяч.

Карло Силино, 33 года: «Конечно, мы не хотели бы уезжать. Но нас вызывают и советуют брать по-хорошему пособие и сматываться. В таком случае завод, когда он снова наберет темпы, согласится взять нас обратно. Вы спрашиваете, есть ли какая-нибудь дискриминация против нас, итальянцев. Судите сами: они говорят, что увольняют в первую очередь тех, кто, как здесь говорят, работал двумя левыми. Смотрят, кто чаще других обращался в больничную кассу. Но куда больше они смотрят на то, кто как вел себя: кто протестовал, жаловался, кого считают агитатором. Езжайте, говорят, подобру-поздорову, не то мы найдем, что вам написать в бумагах».

Может показаться странным, что итальянские рабочие, тем более объединенные в такие большие коллективы, не прибегают к такому испытанному в истории итальянского рабочего движения средству защиты собственных интересов, как профсоюзы. Какова вообще их роль в жизни рабочих-эмигрантов?

Паскуале Анцалоче, 27 лет: «Да никакой роли они здесь не играют. Профсоюзы здесь против рабочих и защищают только хозяев. У меня среднее образование, имею профессию сварщика и токаря, работал механиком в Милане, а профсоюз спокойненько согласился на то, что три года я здесь вкалывал как неквалифицированный рабочий. Как бы нас ни эксплуатировали, профсоюз на все закрывает глаза. Тут не так давно приехал из Калабрии один бедолага; в бараке койки для него не оказалось, так он кантовался в сарае, причем так же, как и мы, платил по 50 марок в месяц за жилье. А профсоюз молчал. А сколько итальянцев месяцами ночевали как собаки на соломе. Что ж удивляться, если они простужались и шли в больничную кассу...»

Пьетро ди Марко, 33 года: «Новичка в первый же день посылают записываться в профсоюз и 12 марок в месяц удерживают из зарплаты. Что там твоя мафия! Вот построили несколько домов для иностранных рабочих. Профсоюз объявил, что и он участвовал в строительстве, чтобы снизить для нас квартплату. И вы знаете, какова она? 400—500 марок в месяц, половина зарплаты! На самом деле здешние профсоюзы напрямую участвуют в эксплуатации рабочего класса. Я на «Фольксвагене» не работаю с шестьдесят шестого, это еще прежний кризис. Тогда они действовали совсем в открытую. Коммунистов — а я и тогда был членом партии — они звали бандитами. В конце концов меня вызвали и сказали: можешь уехать добровольно, а не хочешь — получишь волчий билет. Какой у меня, спрашивается, был выбор? Мне-то было ясно, почему они меня выставляли: незадолго до того мы устроили в нашем гетто что-то вроде восстания. У одного из итальянцев случился приступ аппендицита, никаких врачей в гетто не было, и мы вызвали «скорую». Она не приехала! Парень умер от перитонита. Вот тогда-то мы и восстали: стали крушить все подряд. Потом схватились с полицией, которая била нас дубинками. С обеих сторон были раненые. Понятно, мы перегнули палку, но кто бы мог спокойно смотреть, как умирает товарищ. Назавтра мы объявили забастовку. Результат: восемьсот итальянцев было уволено...»

Экономический кризис, поразивший страны Запада, значительно ухудшил положение иностранных рабочих. Если в годы подъема экономики самодовольные буржуа позволяли себе похваляться тем, что «кормят армию голодных голодранцев», забывая и про собственные доходы от их труда, и про нещадную эксплуатацию этих новых «рабов Европы», то теперь, в годы «тощих коров», ни о какой «филантропии» хозяин-лавочник и хозяин-капиталист и не заикаются. Расизм, злобное черносотенство — вот новейшая политика сытого и цивилизованного европейского буржуа по отношению к его «рабам». Члены парламентов и полицейские, фашисты и националисты, промышленники и торговцы — все в меру сил своих, подогреваемые страхом перед инфляцией и безработицей, ведут травлю тех, кто, трудясь в поте лица своего, настоящую жизнь видел только в мечтах.

Разумеется, несложно разыскать в массе обездоленных, зачастую обойденных культурой людей, приехавших из глухих мест, примеры культурной нищеты или тем более озлобленности, вызванной напряжением неестественной жизни и постоянной травли. Об этом говорит **Сулейман Ольгун, 25 лет, турок, механик:** «У тебя в автобусе, допустим, не оказалось мелочи или ты хочешь что-то спросить у шофера. Если ты немец, он тебе ответит вежливо и обстоятельно. Если турок, то не ответит ничего; только покажет жестом — «убирайся»... На работе за тобой вечно наблюдают — дескать, когда ты отвлечешься или ошибешься — то-то им будет удовольствие. Если же работаешь хорошо и без ошибок, ненависть к тебе становится невыносимой...»

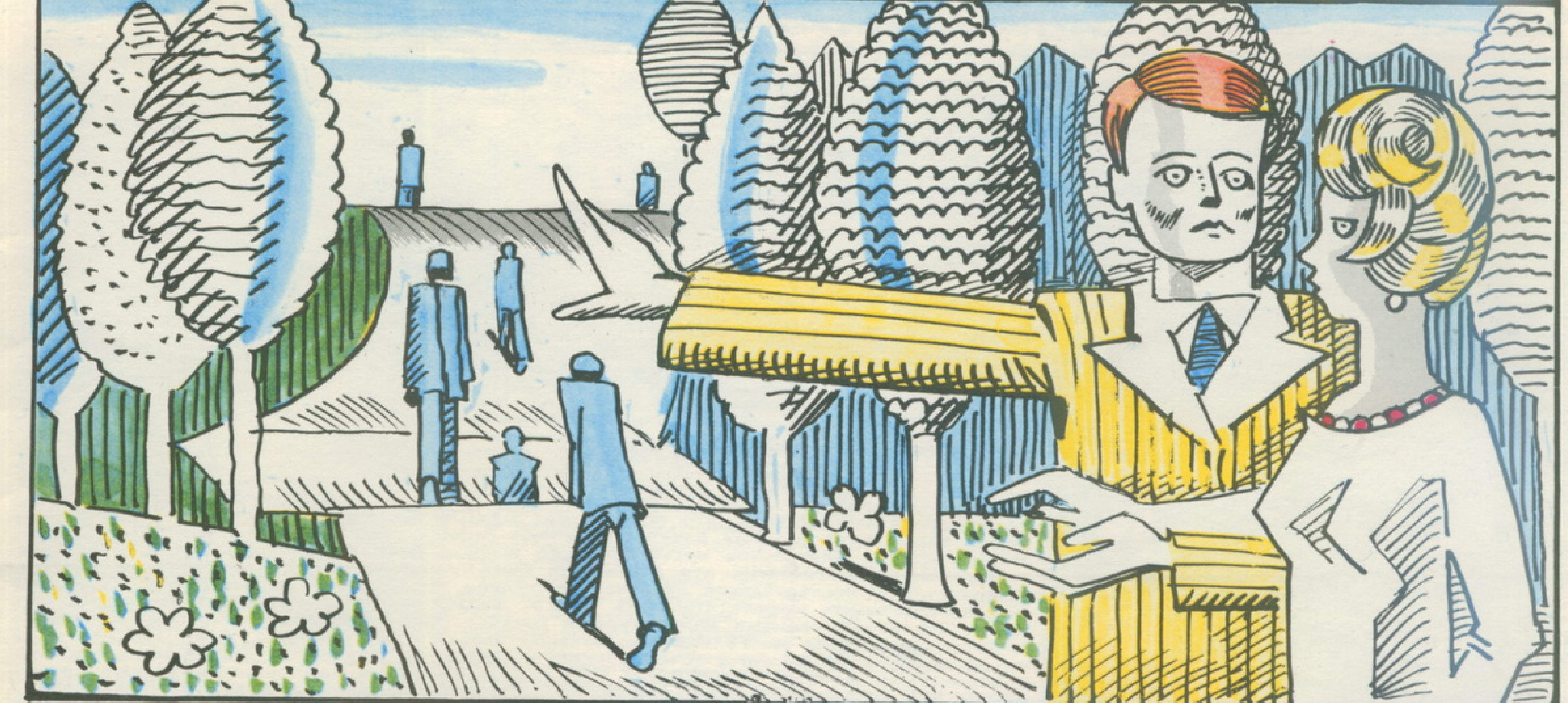
Если право на определенные экономические гарантии для иностранных рабочих естественно и очевидно — ведь они, в конце концов, работают — не так ли? — и потому должны рассчитывать на соответствующую оплату труда, на возможность иметь жилье, воспитывать и учить детей, то понимание собственных прав на личные свободы, на уважение со стороны общества приходит не сразу.

Абду из Мекнеса, Марокко, 40 лет: «Я приехал в Голландию, чтобы зарабатывать себе на еду, чтобы кормить свою старую мать и помогать братьям. Ничего, кроме работы, меня не интересовало. Причем неважно какой работы. Но потом что-то во мне начало меняться. Я стал понимать, что принадлежу к своему классу. Я понял, где лежит моя дорога к свободе. Здесь, в эмиграции, мы хотим свободы и работы. И готовы за это бороться».

Кадер, 32 года, алжирец, типографский рабочий в Париже: «В том, что Европа отстроилась после войны и достигла нынешнего уровня развития, есть немалая заслуга и рабочей эмиграции. И мы тоже хотим своей доли пирога. Хватит с нас бидонвилей, гетто, хватит расизма. Мы хотим быть частью общества, а не его отбросами. Мы хотим, чтоб с нами обращались как с людьми.

27 октября 1971 года в Париже был убит из пистолета Джелали Беа Али, мальчишка пятнадцати лет. Убит белым соседом за то, что не слушался, шумел и озорничал. Это убийство для нас стало сигналом. На следующий день на улицу вышло четыре тысячи человек. Потом демонстрации прошли по всей Франции. Были голодовки, марши протеста, аресты и новые мертвые. К нашему движению присоединились многие французы...»

Центральный телефонный узел связи в Цюрихе, воскресное утро. Зал заполняется странной публикой. Есть в этих людях какая-то семейная одинаковость: смуглая, оливкового оттенка кожа, густые усы, немодные, часто темные костюмы, плащи, схваченные поясом. Они расходятся группами, оживленно обмениваются новостями, вновь смешиваются и вновь разделяются на группы. Даже те, кто помоложе, носят печать все той же клановой принадлежности. Конечно, они моднее одеты, в их виде легко читается неуклюжая попытка походить на молодых аборигенов. Но тщетно: лица, походка, манеры их выдают с головой. В какой-то момент этого воскресного утра толпа замирает, чтобы тут же броситься на штурм кабин международных разговоров. Вызывают Италию, Грецию, Турцию, Марокко, Испанию... В кабинах видны согнувшиеся над трубками фигуры. Они кричат в лихорадочно сжимаемые трубки на своих непонятных в этом городе языках. Кричат о том, как живет этот народ-призрак — иностранные рабочие...

Роб-ерт и Роб-ерта

Хосе ГАРСИА МАРТИНЕС,
испанский писатель

Рассказ

Она смотрела, как он приближается, такой красивый, высокий, стройный. В груди у нее что-то начало весело позвякивать.

Роб-ерт увидел Роб-ерту еще издали. Она пришла в назначенное время — редкость для женщины.

— Привет, Роб-ерта!

— Привет, Роб-ерт!

Других слов им не потребовалось, и они молча зашагали к парку — прибежищу всех влюбленных. Красный диск солнца склонялся к закату. Пели птицы. Газоны казались изумрудными. Но Роб-ерт и Роб-ерта не чувствовали себя счастливыми.

Но почему же?

Да очень просто: из-за роботов.

Роботов стало слишком много.

И виноваты в этом были братья Чапеки, Айзек Азимов и все остальные, кто когда-то писал рассказы о роботах, внешне неотличимых от человека. Заводы выпустили миллионы роботов, похожих на человека как две капли воды, и теперь уже было невозможно сразу определить, кто существо из плоти и крови, а кто робот.

И плохо было то, что люди роботам нравились.

Робот вооружался тысячью хитростей и уловок, кружил человеку голову и тащил его к священнику, а потом выяснялось, что человек женат на роботе, притворившемся женщиной, и нет никакой возможности разорвать их союз: в свое время роботы позаботились о точном определении своих прав, и начали они с того, что добились утверждения нерасторжимости брака между роботом и человеком. И человеку приходилось влачить это бремя до самой смерти, а если он пытался расстаться с роботом, притворившимся женщиной, то, когда полиция его хватала, она поступала с ним так, что он потом всегда раскаивался в содеянном. Столь же опасны были роботы, притворявшиеся мужчинами. Робот, притворяющийся женщиной, в девяти случаях из десяти выглядит привлекательнее и обладает лучшими манерами, чем любая настоящая женщина. Но над роботами, выдававшими себя за мужчин, все смеялись, и потому они прикидывались юношами из знатных семей, такими же недалекими и сильными, какими часто бывают настоящие молодые люди, и влюбляли в себя девушек. И когда после свадьбы девушка обнаруживала, что полюбила машину, у нее начиналось нервное расстройство.

Роб-ерт взял Роб-ерту за локоть.

Узнать на ощупь, робот она или человек, он, разумеется, не мог — роботов делали очень хорошо.

— Сядем на скамейку?

Роб-ерта села и положила ногу на ногу: скри-икк.

Роб-ерт сделал вид, будто не слышал скрипа, который издало колено Роб-ерты. Он заговорил как страстный влюбленный, горячо и романтично, а потом полез в карман за сигаретами.

Р-ризжж, рр-ризжж — проскрипел его локоть.

Роб-ерта не показала виду, что услышала, хотя прекрасно знала: если чей-нибудь локоть так скрипит, то это только потому, что он плохо смазан.

— Ты удивительная! — прошептали губы Роб-ерта около ее уха.

Но едва они коснулись ее точеного ушка, как оно тонко скрипнуло: з-зж.

Инстинктивно он отпрянул назад, и в пояснице у него проскрежетало: скр-режж.

Роб-ерта в замешательстве стала чесать себе подбородок, и из ее нижней челюсти негромко послышалось: кр-рисс, кр-расс, кр-рисс-кр-расс.

— Хватит! — заорал Роб-ерт и вскочил на ноги.

Дз-зи-ии, дз-зи-ии, — лязгнули его суставы.

— Да, хватит! — в тон ему закричала Роб-ерта, и внутри ее что-то громко щелкнуло: китч.

— Ты меня не проведешь — такое услышишь только у робота! Хоть бы смазалась получше перед тем, как идти на свидание! То-то я смотрю — уж слишком хорошенькая, настоящие женщины такими не бывают!

— Я настоящая женщина... почти целиком. Единственного робота здесь зовут Роб-ерт. Ты скрипишь, как дверь с ржавыми петлями.

Глаза ее метали молнии.

— Нет, Роб-ерта, я человек.

Растерянные, они посмотрели друг на друга. Робот мог увильнуть от ответа на заданный ему прямой вопрос, но долго скрывать правду о себе ему все равно бы не удалось — это знал каждый.

— Так твои поскрипывания...

— И твои...

— Просто я много раз попадал в автомобильные аварии. Раз двадцать, если не ошибаюсь. Одна рука у меня протезная, поясничные позвонки на подшипниках, и в левой коленной чашечке тоже небольшой механизм.

— Роб-ерт! — вырвался у нее вздох облегчения. — Все как у меня. Ноги потеряла однажды в воскресенье вечером — возвращалась, как все, с загородной прогулки. Ухо — когда однажды поспорила из-за места для стоянки. И челюсть — когда налетела на дерево. Конечно, есть кое-какие протезы, но все равно я не робот, а человек!

— Роб-ерта, я люблю тебя! Хочешь выйти за меня замуж?

— Дорогой... а протезы?

— Мы с тобой в одинаковом положении, любимая. Да и важно ли это вообще? А потом, учитывая, какое теперь движение на улицах...

Они обнялись.

Тр-рикк — щелкнуло что-то в ней.

Дзиньк — звякнуло в нем.

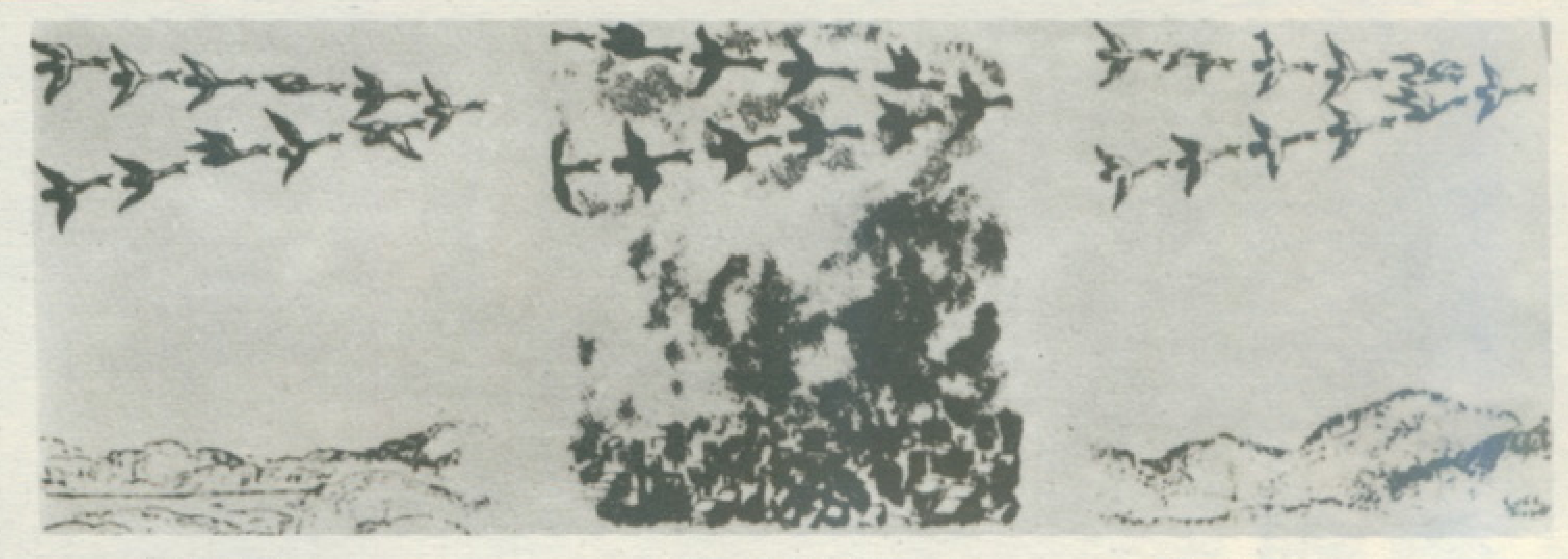
Их переполняло счастье, и они не обратили на эти звуки никакого внимания. Они оба люди, а не роботы — это было самое главное.

Солнце исчезало за деревьями парка.

Такими изумрудными газоны не были еще никогда.

Перевел с испанского Ростислав РЫБКИН

Га-га-га   кха-кха-кха   га-га-га.

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Город Сент-Луис — город пограничный, и несут в нем нелегкую пограничную службу... ученые. Потому что именно над Сент-Луисом массы чистого воздуха, которые движутся с Великих равнин, получают первые впрыскивания городского смога. Потому что из Сент-Луиса массы грязного воздуха отправляются дальше, на восток.

Неудивительно поэтому, что атмосфера Сент-Луиса — «самая изучаемая» в США. Американские исследователи недавно приступили к осуществлению проекта «Да Винчи», позволяющего проследить путь смога. Воздушный шар с группой ученых и почти что двумя тоннами аппаратуры в гондоле (кстати, это первый такой эксперимент — раньше на монгольфьерах путешествовали одни приборы, люди следили за их показаниями с Земли) в течение суток следовал за облаком из Сент-Луиса. Вместе с облаком, в котором угарный газ был самым невинным компонентом, ученые проплыли 322 километра и приземлились на плодородные долины Индианы: программа предусматривает изучение влияния смога на те районы, где промышленных центров и поблизости нет. Облако же, отнюдь не растеряв своей разрушительной силы, поплыло дальше.

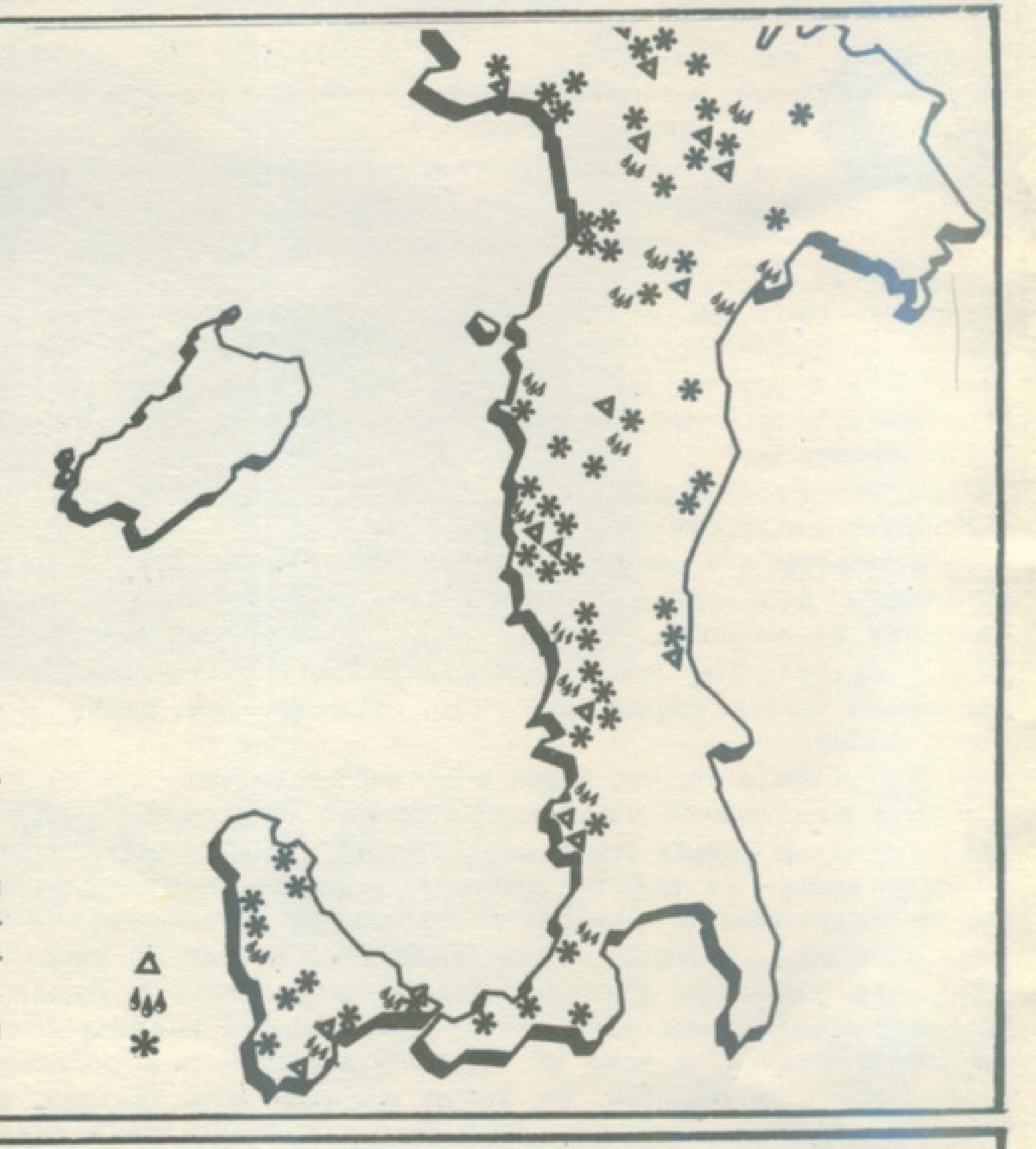
Даже по первым результатам исследования очевидно, что помещенная здесь карикатура несколько не соответствует истине — вернуть гусям голос не так легко.

«МАММА» РОЗА В СТРАНЕ ЧУДЕС

Италия, страна туризма, привлекает к себе многими чудесами. В том числе и чудесами в самом прямом смысле этого слова. Перед вами карта Италии, на которой условными знаками обозначены места, где за послевоенный период случались разного рода чудеса. Условные знаки означают: капельки — слезы на щеках статуй и изображений святых, звездочки — явления святых, треугольники — прочие мелкие чудеса.

Судя по рассказам добровольцев-ясновидцев, положение в некоторых населенных пунктах страны прямо-таки тревожное: святые прохода не дают — так и являются... В деревеньке Сан Дамьяно, где живет всего-то сотня человек, некая Роза Кваттрини видела Мадонну («Вот как тебя вижу, стоит как живая») более 450 раз. Разной была реакция на рассказы «Маммы» Розы — одни пробовали урезонить старушку (на что она гордо отвечала: «Я, — говорит, — хоть перед кем угодно могу увидеть святую деву»), другие увидели в ясновидении божественное предначертание: здесь, в Сан Дамьяно, и надо делать деньги. Сейчас в деревушке действуют две гостиницы и пансионат имени св. Иосифа, три ресторана, мотель, сеть магазинов, торгующих святыми безделушками и брошюрами. Планируется сооружение нового центра — с церковью, больницами, новыми гостиницами, рассчитанными не только на итальянских легковерующих, но и их заграничных собратьев.

Святой отец Давиде Турольдо, комментируя в журнале «Эпока» это нашествие чудес, сказал так: «Я еще удивляюсь тому, что в такое время, как наше, людей, видевших Мадонну, столь мало. Ведь вера в чудеса — особый род культуры нищеты. Когда же я узнаю, что в каком-то месте в ожидании «чуда» собралось десять или двадцать тысяч человек, я молю бога, чтобы пошел дождь или град. Может, они разойдутся по домам...» Как вы ясно видите, святой отец тоже рассчитывает на чудо.

ВЫ СПРАШИВАЛИ

«ВЕРТУНЫ» ИЗ ГОРОДА НА ЗАЛИВЕ

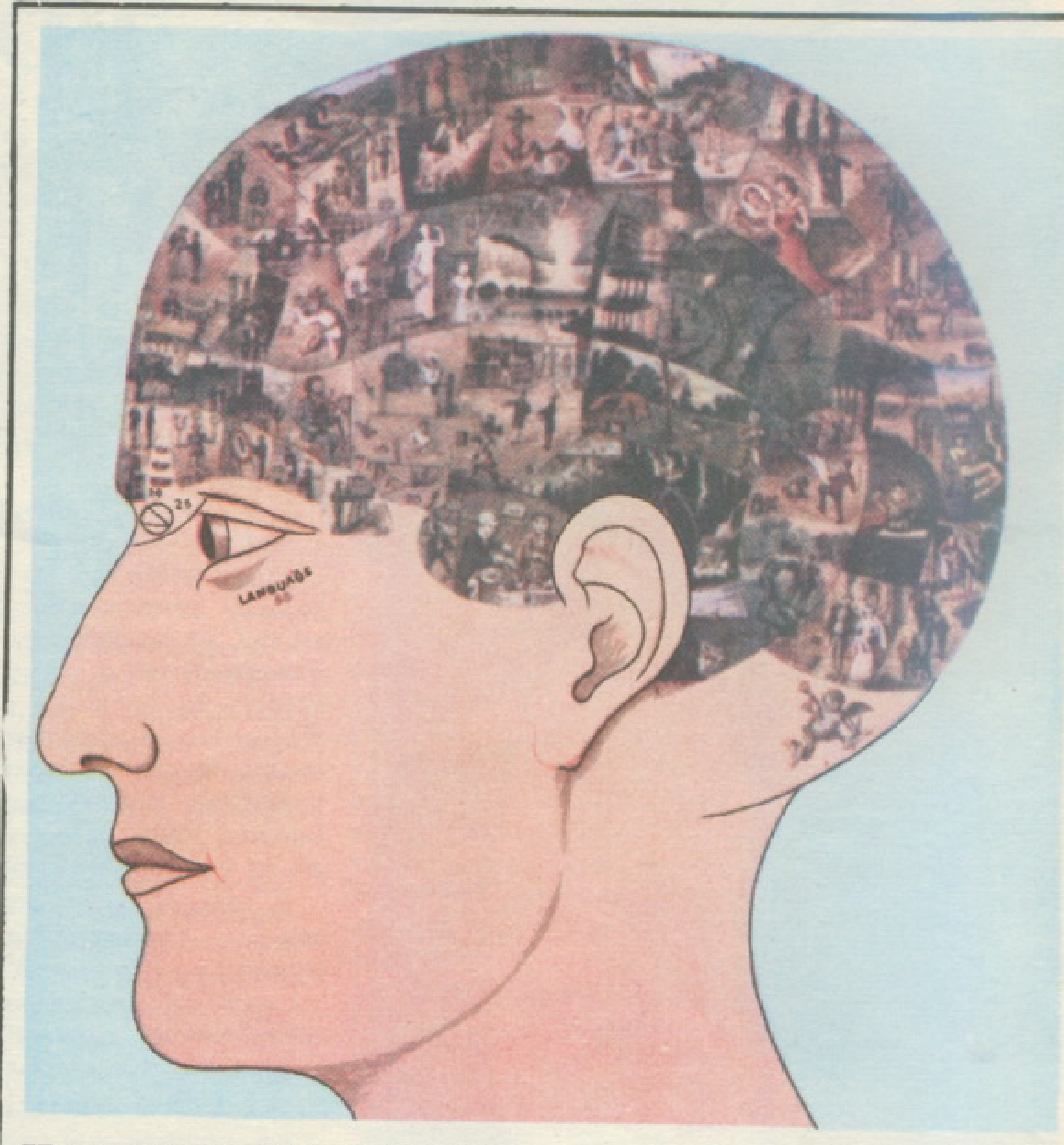
«Вертолет уносит ансамбль от разбушевавшихся поклонников...», «Музыканты спасают тонущих почитательниц, которые поплыли за их катером...» О ком эти речи — о прежних «Битлз», о постаревших «Роллинг Стоунз», о «Лед Зеппелин»? Нет, о сравнительно молодом шотландском квинтете «Бэй Сити Роллерз». Секрет успеха «Роллерз» — «Вертунов»? Когда журнал «Диск» провел анкету на «самых милых» поп-артистов, участники «Роллерз» заняли первые пять мест. Группа — вокалист Лесли Мак-Кеон, лидер-гитарист Эрик Фолкнер, бас-гитарист Алан Лонгмюир, ударник Дерек Лонгмюир, органист Стюарт Вуд — возникла в Эдинбурге (его называют еще «Городом на Заливе») в 1969 году. «Роллерз» долго прозябали, пока два деловых продюсера не предложили им несколько рискованный выход: пятерку аккуратно остригли, тщательно выбрили и нарядили в клетчатые брюки, яркие свитерки и спортивные туфли. Тип — «милые, веселые, поющие подростки». И трюк сработал, несмотря на отрицательные отзывы музыкальной прессы о коммерческом характере их музыки и слащавых текстах. «Вертуны» — любимцы публики от 6 до 15 лет. Правда, первая трещина уже появилась — когда выяснилось, что Алану Лонгмюиру не 18, как утверждали продюсеры, а все двадцать шесть. Возраст остальных участников — профессиональная тайна.

ЭЛЕКТРОНИКА ПРОТИВ УГОЛОВНИКОВ

То, что вы видите на снимке, читатель, представляет собой плод работы двух заинтересованных сторон: специального электронно-вычислительного сектора при управлении западногерманской полиции — с одной стороны, и преступников-похитителей — с другой. Тактика преступной деятельности давно отработана и известна: вслед за похищением какого-либо состоятельного человека преступники под угрозой смерти похищенного предлагают его родственникам выплатить определенную сумму выкупа. Со своей стороны, полиция в борьбе с уголовниками стала широко применять электронику: номера банкнотов, переданных похитителям, аккуратно фиксируются компьютером.

Если судить по числу уже сделанных записей, деятельность обеих упомянутых сторон не может не поразить масштабами.

НА ШИШКИ НАДЕЙСЯ...

Для начала голову надо щедро намылить, потом взять бритву и... Неприятная, конечно, операция, но как иначе узнать, что у вас в голове кроется? О нет, голову отрезать не надо, надо только ее выбрить, чтобы неровности черепа были лучше видны. А вот по этим неровностям уйму всего узнать можно — так утверждала популярная в прошлом веке наука френология. (Книга френолога Джорджа Комба «Конституция человека», повествующая о том, как соотносятся шишки на черепе со способностями их обладателя, вышла одновременно с «Происхождением видов» Чарлза Дарвина, но пользовалась куда большим успехом.)

Это искреннее шарлатанство скончалось в начале века XX — от смеха. И кто бы мог подумать, что в 70-х годах оно возродится вновь? Как утверждает в журнале «Обсервер» психолог Том Крэбтри, френологи пользуются сейчас таким успехом потому, что они говорят англичанам о них и об их будущем только хорошее — в отличие от футурологов, социологов и экономистов. «Все надежды теперь на шишки энергии, приспособляемости и надежды!» — восклицает Том Крэбтри.

ТАНЦУЕМ В ДЖИНСАХ

В этот час в Чехословакии все, кто хочет быть стройным, включают телевизор и начинают... танцевать, а вернее, разучивать движения, из которых складываются реггей, бас-стоп, кунфу, бамп. Сначала только пражские поклонники современной Терпсихоры собирались во Дворцах культуры, спортивных залах, дискотеках и учились двигаться в ритмах современных танцев. Потом мода захватила и другие города. Участники «танцевальных тренировок» считают даже, что танцы прекрасно сказываются на работе — крепче становятся мышцы, экономнее движения. Не говоря уже о том, что после передачи «Танцуем в джинсах» всегда хорошее настроение.

«МАСС-МЕДИА». По сообщению американского журнала «Ридерз дайджест», Калифорнийская ассоциация газетных издательств оповестила о новой форме рекламы — обонятельной.

Местная мясо-молочная фирма дала через газеты рекламное объявление о выпускаемой ею продукции — ветчине. Свое объявление фирма для большей эффективности воздействия на покупателя отпечатала специальной типографской краской, которая издает сильный запах мясных копченостей.

Подействовала ли на читателей реклама — неизвестно, потому что первыми откликнулись на нее городские собаки. С небывалой энергией, рыком и лаем они напали на мальчишек-газетчиков, вмиг растащили у них все газеты и тут же их с удовольствием съели.

КРАСОТА И ПОЛИТИКА. Многие думают, что это две вещи *не*совместные. Не так считают в ЮАР, исповедующей принцип «раздельного развития» рас. ЮАР прислала на всемирный конкурс красоты в Лондон красавиц в двух «цветовых» категориях — настоящую белую и (для людей «второго сорта») чернокожую. Девять претенденток на звание «Мисс Мира» в знак протеста отказались участвовать в конкурсе, куда пролезла некрасивая политика — апартеид, доказав тем самым, что и красота может быть политичной.

КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ...

...где сидят фазаны. Впрочем, не обязательно фазаны: воробей — каждый знает — тоже птица. И из воробьиных перышек тоже получаются такие вот замечательные украшения.

Все знают, из-за чего страусов почти истребили — из-за модных в прошлом веке дамских вееров. Наученные горьким опытом, общества охраны животных строго следят за модами нашего века. Но к лондонскому ювелиру Джону Льюису претензий не имеют, потому что советует он охотницам за красотой серьги и ожерелья делать из перьев, валяющихся на земле после птичьих драк. Подбирай и крась сама во все цвета спектра. Красный, оранжевый, желтый, зеленый...

ТРИДЦАТЬ ТРИ И ОДНА ТРЕТЬ

Л. РОБИНСОН,
американская журналистка

Ни бороды нет, ни усов, чуть вьются остриженные волосы, и, как говорит сам Джордж Харрисон, он вновь стал мил и привлекателен.

Здесь, у себя дома в Лос-Анджелесе, на самом верху Биверли Глен Каньон, сидит он в куртке из бумажной материи, в маечке с эмблемой «Дарк Хорс» — «Темная лошадка»[1], покуривает «Житан» и кажется моложе, миниатюрнее и добродушнее, чем тот человек, чей образ он создал когда-то и которому следовал все последние годы.

«Для меня это важный период, — начал он. — Мне кажется, настало время поговорить с людьми. И правда, в последние пару лет мне мало что удавалось сказать им».

Следующие после этого интервью четыре дня предназначены для «разговоров с людьми». Сопровождаемый президентом компании «Уорнер Бразерз Рекордз» и солидным штатом служащих, Харрисон с помощью принадлежащего компании реактивного самолета побывает в Чикаго, Бостоне, Вашингтоне и Нью-Йорке.

Он встретится с представителями прессы и радио на ленчах и обедах в его честь, он представит свой новый диск «33 и 1/3», будет улыбаться, позировать фотографам — словом, целое путешествие.

Наш разговор состоялся днем, до приема в шикарном ресторане Чейзена, и, казалось, Джордж был настроен оптимистически.

Конечно, эти годы для Харрисона оказались нелегкими. Джордж признает, что он не удовлетворен своими последними пластинками, а турне 1974 года по Штатам встретило весьма отрицательный отклик. Кроме того, прошлым летом, когда он приходил в себя после приступа гепатита и завершал работу над очередным альбомом, против него было начато уголовное дело из-за песни «Мой светлый бог».

К тому же компания «Эй энд Эм Рекордз» (которая после распада «Битлз» приютила Джорджа) возбудила против него иск на 10 миллионов долларов за «невыполнение взятых на себя обязательств по записи новых пластинок».

Адвокаты взялись за работу, дело удалось решить до суда, и Джордж обратился к «Уорнер Бразерз».

Джордж соглашается, что судебные процессы стали уже привычны для него.

— Мы начинали как музыканты, — говорит он, криво усмехаясь, — а сейчас превратились в матерых законников. Конечно, все эти передряги, связанные с распадом ансамбля и «разделом имущества», были в достаточной мере неприятны, но то, что творят с нами теперь, — еще хуже. Есть определенная категория людей, которые возбуждают дела против таких, как мы. Я помню историю с Джоном Ленноном — он шел по улице и случайно толкнул кого-то. Этот человек узнал его и подал в суд — как же, Джон Леннон! Это анекдотичный случай, только анекдот-то не смешной. Вся эта публика рассчитывает на то, что мы постараемся уладить все до судебного разбирательства. За деньги, естественно.

— А что случилось с «Моим светлым богом»?

— Ну здесь все было профессионально задумано — меня обвинили в плагиате.

— ?

— Да, да, меня. Получилось так — помните, когда-то, году в шестьдесят восьмом, была популярна песня «О, хэппи дэй»? Она мне так нравилась! Она была настолько закончена и совершенна, и я подумал, что надо б и мне написать что-нибудь подобное — и талантливое, одухотворенное и, простите уж, коммерческое, потому что какой смысл писать песни, которые и слушать-то никто не будет? Ну я написал песню «Мой светлый бог», в ней я хотел рассказать о Востоке, о восточных традициях, да так, чтоб и пелась она хорошо. И случайно гармонии ее совпадали с песней Чиффона «Он такой хороший». Судебное дело строилось на совпадении первых трех нот песни и первых аккордов припева, но так уж случилось, что общая мелодия «вылепилась» у меня только в день записи, а не записывать я уже не мог — обязательства перед фирмой!

В этом не было никакого плагиата — вы ведь понимаете, что мелодии часто «витают в воздухе», да если поднатужиться, то во всем обилии выходящих сейчас песен можно найти массу похожих. Только плагиата здесь никакого нет.

Того парня, что написал «Он такой хороший», давно уже нет в живых, он умер в году шестьдесят седьмом — шестьдесят восьмом. Я уверен, что он никогда бы не стал поднимать шума из-за такого пустяка — он был ведь музыкантом.

Правда, музыканты разные бывают. Есть люди, которые из кожи лезут, чтобы у них было не хуже, чем у других. Но настоящие-то понимают, что музыка — это не просто музыка, она не существует сама по себе... И Чиффон был настоящим.

Но тот человек, который сейчас защищает его интересы, увидел возможность поживиться.

— И как вы себя чувствовали на суде?

— А как бы вы себя почувствовали, если бы вам предложили явиться в суд и... играть там на гитаре? Судейские из других залов сбежались: «Пойдем посмотрим, как Джордж Харрисон дает концерт в суде!» А я не очень-то тяжело переживал. Понимаете, если бы это была единственная песня, написанная мной, — тогда другое дело. Но я-то на нее жизнь не ставил. Просто противно было — я же знал, каковы истинные причины всей свары.

Харрисон старался не терять чувства юмора из-за этой истории и даже в своей новой песне — она называется скромно: «Эта песня» — намекает на нее: «Эта песня не нарушает авторских прав, и прекрасной мелодией ее не назовешь...» (официальное название судебного дела было: «Прекрасные мелодии» — название фирмы — versus Харрисон»).

— Я после этого просто с ума сходил — только возьму в руки гитару, начну что-нибудь клеить — и думаю, а на что это может быть похоже? У кого такое может быть?

Я пытаюсь сменить тему разговора и задаю первый пришедший на ум вопрос: «А трудно быть экс-«битлом»?»

Джордж человек необидчивый:

— Как-то кто-то из тех, кто о нас книги пишет, сказал вроде бы: «Отныне каждый рожденный в Ливерпуле чувствует определенные обязательства перед человечеством».

---

[1] *«Дарк Хорс» — фирменный знак пластинок Харрисона. — Прим. ред.*

Задаю еще один неизбежно глупый вопрос — о воссоединении.

— Тот тип, который предлагал нам пять миллионов за совместный концерт, собирался организовать еще одно беспримерное шоу — битву человека с акулой. Так я сказал — слушай, если этот парень победит акулу, то мы предоставим ему исключительное право организовать совместное турне «Битлз». Иначе — никак. Помните ответ, что Гамлет дал Розенкранцу и Гильденстерну: «Вот видите, с какой грязью вы меня смешали?»

— Но еще в 1974 году вы заявляли, что никогда не будете играть с Полем Маккартни?

— Тогда я был, видно, чем-то разозлен. Сейчас бы я пошел на компромисс. Вы знаете, мы ведь с Полем в школе вместе учились. Он был на год старше меня. И дружили мы целых семнадцать лет. А когда люди очень уж близки, наступает момент, когда дружба стареет, когда вырастаешь из нее. И мне было очень трудно. Потому что в музыкальном отношении у меня ни с Джоном, ни с Ринго разногласий не было, а вот с Полем... Он не давал мне двинуться — играй то, а это не играй, слушай меня, не вмешивайся. У меня терпение лопнуло, и это одна из причин нашего распада. И все равно я буду всегда защищать от глупых разговоров и Поля, и Джона, и Ринго. Потому что, когда люди прошли вместе через все это, что-то хорошее всегда остается. Должно оставаться.

Но в шестьдесят восьмом, когда делали фильм «Let it be», мы просто ополоумели, потеряли всякое терпение и чувство меры. Тогда и начало все рушиться. Протянулось еще два года, и все равно кончилось. Это как в семьях бывает — терпи не терпи но если жизни нет, то ее никогда уже не будет. Так что лучше кончать сразу.

— Вы встречаетесь с Маккартни?

— Я не видел Поля уже несколько лет — последний раз мы были вместе на приеме, который устраивали в его честь на борту «Королевы Елизаветы». С ним теперь только на приеме встретиться можно — а кому охота приходить к своему старому другу и чувствовать себя лишь статистом в рекламном представлении? Единственное, что нас еще может объединить, — это невозможность не писать музыку вместе.

— А не будет тех же самых старых проблем?

— Еще как будут. Может получиться как на съемках «Let it be». Я тогда сказал: «Ладно, я буду играть тогда, когда вы хотите, и то, что вы хотите. Я не буду играть, если вы не хотите этого, и давайте больше не обсуждать эту тему». А это совсем не радостно — говорить такое. Легко казаться мудрым, когда поешь. Если не мудрым, то умудренным. В жизни хранить лицо куда сложнее.

Вообще-то, я везучий человек. Жизнь всегда выручала меня. Это как со здоровьем было — честно говоря, после нашего развала я много пил. И вот заболел гепатитом, и моя больная печень сказала: «Баста!» И пить перестал. Так что даже худое, боль, предлагает разумный выход.

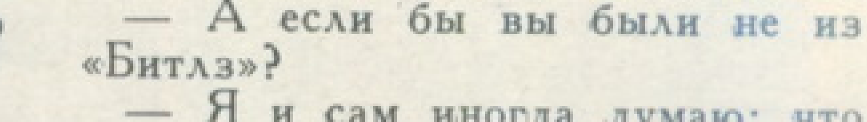
— Но мне кажется, вам не очень-то повезло с той музыкой, которую вы писали после распада — я имею в виду ваше увлечение Востоком.

— Я много лет уже занимаюсь этой музыкой, работаю с Рави Шанкаром [1]. Все это далось мне дорогой ценой, но я думал, что эта музыка, какая-то новая духовность, может дать людям куда больше, чем простенькая усложненность типа «Лед Зеппелин».

Но аудитория в целом не хотела этого. Отклик был, но отклик в основном отрицательный. Люди боятся, опасаются неведомого. Куда проще петь и слушать «Она любит тебя» или «Вот и солнышко вышло».

Это нежелание, боязнь уродуют даже самых талантливых музыкантов. Думаете, Мик Джеггер не талант? Да он могучий музыкант. Только и он поддался, потому что проще привязать над рампой веревку и раскачиваться на этой веревке как маятник и вопить что-то привычное, чем сказать себе и им: «Слушайте, ребята, я буду делать настоящие вещи, а вы — хотите любите меня, хотите — нет». Что-то такое я и хотел сказать своими так щедро высмеянными «индийскими мотивами». Я люблю индийскую музыку и индийских музыкантов и думаю, им есть что сказать всем. Можно, конечно — и это проще, — писать аккуратненькие, симпатичненькие и чуток новаторские вещи, как делают «Уингз». Только это для меня было бы компромиссом, а я еще не выхолостил себя до компромисса. Хотя, может быть, те, кто увлекается моей теперешней музыкой, увлекаются ею все же потому, что я Харрисон. Можно совершать феерические турне — инерция «собитловского мышления», назовем это так, еще существует, — можно писать и петь то, что нравится всем без исключения, только инерция эта когда-то кончится, и ты останешься в пустоте, и ничего из тебя уже получиться не сможет.

[1] *Рави Шанкар — индийский музыкант, живущий ныне в США и работающий в стиле «джаз-рок». — Прим. ред.*

ВЫ СПРАШИВАЛИ

— А если бы вы были не из «Битлз»?

— Я и сам иногда думаю: что было бы со мной, если бы я был просто Джордж Харрисон? По-моему, вся разница, что было бы меньше денег. А я был бы тем же. Потому что каждый человек несет в себе свою славу и смерть, и свою, простите за слово, божественность. Этим мне и нравится индийская философия — каждый сам себе бог, если вам угодно называть это ощущение так. Вся та безответственная религиозность, которую привычно экстраполируют и на меня, потому что я объявил себя приверженцем восточной религии — господи, ну до чего же «религия» затертое слово, совсем ничего не значит, — она исходит от наших спокойных христианских убеждений. Что где-то там, наверху, есть правда, а внизу — только жизнь. И вот симпатичный добропорядочный религиозный человек идет в воскресенье пообщаться с тем, что наверху, и, умиротворенный и обрадованный своей хорошестью, приходит домой и так же спокойно сводит в гроб свою жену. Потому что они хорошо знают хитрую разницу между тем, чего хочет от них всевышний и что они могут делать в час дня сегодня, — правила игры выучены. А я не хочу этой игры по правилам. И потому занимаюсь индийской музыкой, потому что в ней говорится вот о чем — мы сами несем в себе то, что на Востоке принято называть «божественным светом», и мы должны руководствоваться честью и уважать эту честь в других. Тогда каждая жизнь будет драгоценна— твоя для тебя и чужая для тебя тоже. Жаль только, что в нашем музыкальном мире умеют спекулировать и на строгости и чистоте. Потому так смешны оказались мои индийские дела. И все равно, сколько бы ни говорили дурного о музыкантах моего времени, честных людей среди нас гораздо больше, чем спекулянтов.

— В рекламе вашей новой пластинки «33 и 1/3» было сказано, что Джордж Харрисон возвращается в Европу...

— Рекламе положено быть глупой. А человек говорит об утрате себя с тех самых пор, как научился говорить, и предсказания конца света бесконечны. Когда выходила эта пластинка, мне было как раз тридцать три года с третью. Потом стало больше. Но это ничего не значит, потому что я останусь прежним — никуда не уйду и не вернусь ниоткуда. Об этом я и пою, а в каких традициях это — индийских или европейских?

Перевела с английского
Н. ХРОПОВА

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитнина.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 16/III 1977 г. Подп. к печ. 21/IV 1977 г. А06410. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 400.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Вро — маленький поселок в Ютландии — прославился на всю Данию как «Детская земля». И это не только название — земля по закону принадлежит маленьким жителям поселка. Добрый волшебник, который ее отвоевал, ее президент, король и верноподданный — писатель и поэт Карл Шарнберг. По образованию он, как его жена и взрослые дети, педагог. Когда Шарнберг — поэт-коммунист, известный своими острыми политическими стихами, постоянный автор газеты «Ланд ог фольк» (центрального органа Компартии Дании) — впервые появился в поселке, жители встретили его недоверчиво и даже враждебно. Очень скоро эти чувства сменились искренней и заслуженной благодарностью. «Они поняли, что главное для нас, коммунистов, — говорит Шарнберг, — какую смену мы вырастим». Теперь во Вро приезжают педагоги из многих стран.

Стихотворение Карла Шарнберга «Дети рабочих» было опубликовано в сборнике «Пролетарские стихи» в 1975 году. Русский перевод В. Лугового.

Н. КРЫМОВА

ДЕТИ РАБОЧИХ

Годы детства,
Дни горечи, дни нищеты...
Звали нас —
Детвора со двора бедноты.
Много дней,
Много лет миновало с тех пор...
Двор отверженных —
Так называли наш двор.
Нищета и мороз.
Нищета и жара.
И презренье соседей —
Детей буржуа.
«Пролетарий!» —
Надменно бросали они,
Мы молчали.
Шли месяцы,
годы и дни.
Мы молчали.
Что было сказать нам в ответ?
В мире страха
У нищих
защитников нет...
Но однажды,
Когда мы
бессильной толпой
В сотый раз промолчали,
Не приняли бой,
В час вечерний
(Погода была так тепла!)
Незнакомая женщина
К нам подошла.
Как живем, расспросила она,
Как дела,
И, ответ не дослушав,
Все-все поняла!
Как забыть ее!
Не молода, но стройна.
«Распрямите-ка плечи!» —
Сказала она.
Весел был ее взгляд,
Ее голос был чист:
«Пролетарий! —
Как славно, как гордо звучит!
Дети пыльных дворов,
Дети бедных квартир,
Пролетарий —
вот кто
Сотворил этот мир!
Пролетарий —
мир бедным,
Богатым — беда!
Этим званьем, ребята,
Гордитесь всегда!»
Много лет пролетит,
Может всякое быть.
Знали мы:
этой встречи
Нам век не забыть!
Мы впервые в тот вечер
Гордились собой.
Больше мы не молчали.
Мы приняли бой.

Индекс 70781

Цена 25 коп.